

Жан Жене
Кэрель
Серия «Книга non grata»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7401690
Кэрель / Жан Жене: Инапресс; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092020-4

Аннотация

Жан Жене (1910–1986) – французский писатель, беспризорник, бродяга и вор, пришедший в литературу прямо из тюрьмы. Фигура этого неожиданно появившегося в середине 50-х годов на Монмартре и очаровавшего парижских интеллектуалов «бандита» не может не впечатлять. Жан Кокто явился инициатором петиции к президенту об освобождении Жене, когда тот, будучи автором уже нескольких романов, был помещен в тюрьму, и ему грозило пожизненное заключение сразу по 16 статьям УК. Жан-Поль Сартр посвятил ему книгу: «Святой Жене, комедиант и мученик». Кроме романов, Жене был автором стихов, театральных пьес, искусствоведческих эссе и политических статей. Мировую славу Жене принесли пьесы, одна из которых, «Служанки», имела шумный успех и на сценах отечественных театров.

Роман «Кэрель» (Querelle de Brest) был написан Жене в 1947 году и является, вероятно, его самым красивым и романтическим прозаическим произведением. Обычные для Жене темы любви и преступления раскрываются в нем на фоне моря и с участием моряков. В 1982 году Райнер Вернер Фасбиндер снимает по нему свой последний фильм «Кэрель – договор с дьяволом».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Жан Жене Кэрель

Jean Genet

QUERELLE DE BREST

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard

© Editions GALLIMARD, Paris, 1953

© Маруся Климова, перевод

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Жаку Г.

«За два года, проведенные на морской службе, его непокорность и развращенность стоили ему семидесяти шести наказаний. Он делал наколки новобранцам, воровал у товарищей и вступал в противозаконные сношения с животными».

Из дела Луи Менеклу, 20-ти лет. Казнен 7 сентября 1880 года.

«Я следил за уголовной хроникой, и дело Менеклу потрясло меня. Я не настолько испорчен, как он, я не насиловал и не расчленял своей жертвы. Нас нельзя сравнивать хотя бы потому, что, в отличие от него, я всегда ходил при галстуке...»

Заявление судебному следователю Феликса Леметра, убийцы 14-ти лет. (15 июля 1881 года)

«Другой солдат, упав случайно ниц во время битвы, в момент, когда враг поднял меч, чтобы нанести ему смертельный удар, попросил дать ему перевернуться, дабы его возлюбленный не увидел, что он поражен в спину».

Плутарх «О любви».

Мысль об убийстве часто сопровождается воспоминаниями о море и моряхах. Но море и моряки являются нам не в виде ясного образа, убийство, скорее, пробуждает в нас образ бушующих волн. Порт часто бывает местом преступления, это легко объяснимо, и мы не будем на этом останавливаться, но из многочисленных хроник известно, что среди убийц встречаются как настоящие, так и переодетые моряки, и если убийца был переодет, то преступление обязательно связано с морем. Мужчина надевает форму матроса не только для маскировки. Его переодевание является началом некоего церемониала, всегда сопровождающего умышленные преступления. Во-первых, это как бы возносит преступника над землей и помогает ему оторваться от линии горизонта – места, где море переходит в небо; широкими и упругими шагами он идет по воде, олицетворяя собой Большую Медведицу, Полярную звезду или Южный Крест; это (мы по-прежнему имеем в виду переодевание преступника) вновь возвращает его на сумрачные континенты, где днем светит солнце, а ночью луна покровительствует убийствам в бамбуковых хижинах у неподвижных рек, переполненных аллигаторами, это позволяет ему действовать как бы во сне и заносить свое оружие, стоя одной ногой на океанском пляже, а другой устремляясь по водам к берегам Европы, это заранее дает ему забвение, ибо моряк всегда «возвращается издалека», и позволяет ему смот-

реть на обитателей суши как на растения. Одежда убаюкивает преступника. Она окутывает его своими складками, теснотой тельняшки и простором брюк. Она усыпляет его. И усыпляет уже замороженную жертву. Нам еще придется говорить о роковой внешности матроса. Мы знаем, как она действует. В очень длинной фразе, начинающейся со слов: «Возносит преступника над землей...» мы, вероятно, слишком увлеклись поэтическими сравнениями, но только для того, чтобы дать представление о пристрастиях автора. Подчиняясь своеобразному внутреннему настроению, мы хотим представить здесь драму. Надо сказать, что она посвящается гомосексуалам. К мыслям о море и об убийстве всегда так естественно примешиваются мысли о любви или наслаждении – и более того, о любви противоестественной. Без сомнения, моряки, охваченные (воодушевленные, это слово нам кажется даже более подходящим, и в дальнейшем мы сможем убедиться в этом) желанием и потребностью убийства, могут плавать и в торговом флоте, на дальних рейсах, их могут пичкать сухарями или ударами плетки, заковывать за малейшую оплошность в кандалы, высаживать в незнакомом порту, снова брать на борт на грузовое судно с сомнительным маршрутом, однако, каждый раз, когда в туманном каменном городе мы встречаем стройных, возбужденных в предвкушении учений здоровяков из Военного флота, когда мы видим плечи, профили, кудри и покачивающиеся непокорные бедра этих сильных и нежных парней, невозможно усомниться в их способности к убийству, которое оправдывается уже одним их участием, ибо они облагораживают собой этот акт. Спускаются ли они с небес или поднимаются из пучины, где встречаются самые удивительные чудовища и сирены – на земле моряки обитают в каменных домах, военных портах, во дворцах, чья устойчивость так непохожа на легкую возбудимость и женскую отзывчивость вод (не случайно в одной из матросских песен так и поется: «... море тебя утешит»), на причалах, заваленных цепями, заставленных тумбами и швартовыми кнехтами, и всегда помнят, что они только на якоре, как бы далеко от моря они ни находились. Чудесная архитектура казарм, фортов и заброшенных тюрем формирует их осанку.

Брест – суровый и надежный город, выстроенный из серого бретонского гранита. Его надежность подчеркивает порт, который дает матросам чувство безопасности и точку опоры для нового рывка. Она позволяет им отдохнуть от постоянной зыбкости моря. Только благодаря солнцу, слегка золотящему его фасады, не уступающие венецианским, благодаря присутствию на его узких улочках беспечных моряков и, наконец, благодаря туману и дождю Брест не производит гнетущего впечатления. Здесь и разворачивается действие книги, и мы начинаем наш рассказ в тот момент, когда сторожевой корабль «Мститель» уже третий день стоит на рейде. Его окружают военные корабли: «Пантера», «Победитель», «Грозный», а также «Ришелье», «Беарн», «Дюнкерк» и другие. Подобные названия уже встречались в прошлом. На стенах часовни при церкви Сент-Ив в Ля Рошели висели картинки, изображающие пропавшие или спасенные корабли: «Шалунья», «Сапфир», «Фея», «Любимая». Эти корабли не оказали никакого влияния на воображение Кэреля, видевшего их иногда в детстве, тем не менее, мы считаем своим долгом отметить их существование. Для моряков Брест всегда будет городом «Феерии». Вдали от Франции моряки, разговаривая между собой об этом борделе, неизменно сопровождают свою речь шутками и утробным смехом, так, как будто говорят о шолонских¹ утках или наивных аннамитах²; они вспоминают хозяина и хозяйку, обмениваясь фразами:

- Давай бросим на них кости. Как у Ноно! – Этот ради шлюхи готов сыграть с Ноно!
- А тот в «Феерии» точно проиграет!

¹ Шолон – часть г. Сайгона, славившаяся приготовлением изысканных блюд из утки (здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика).

² Аннамиты – устаревшее название вьетнамцев.

Название «Феерия» и имя «Ноно», несмотря на то, что имя самой хозяйки оставалось неизвестным, обошли весь свет, то и дело слетая с губ матросов в насмешливой скороговорке. На борту никто толком не знал, о какой игре идет речь, но никто, даже новички, не осмеливались это показать, каждый моряк стремился сделать вид, что он в курсе. Этот брестский бордель обрел сказочный ореол, и моряки, приближаясь к порту, тайно мечтали об этом доме свиданий, хотя вслух говорили о нем не иначе как со смехом. Жорж Кэрель, герой этой книги, говорил об этом меньше других. Ему было известно, что его брат – любовник хозяйки. Вот полученное им в Кадисе письмо, из которого он об этом узнал:

«Дорогой братишка, я решил черкнуть тебе пару слов, чтобы сообщить, что я вернулся в Брест. Я хотел снова наняться на работу в доки, но там уже не брали. Бабки у меня были. Работа никогда не шла мне особенно впрок, и я, как маленький сверчок, в конце концов нашел свой шесток. Чтобы скоротать время, я встретился с Мило и почти сразу же заметил, что жена хозяина «Феерии» положила на меня глаз. Я не ударил в грязь лицом, и теперь это окупается сторицей. Хозяину на это плевать, у них с женой чисто деловые отношения. У меня все хорошо. Я надеюсь, что у тебя тоже, ты приедешь в отпуск, и т. д.». Подпись: «Робер».

В сентябре иногда идет дождь. От дождя легкая полотняная одежда, рубашка и голубые штаны прилипают к телу, обрисовывая мускулы портовых рабочих. По вечерам с верфей спускаются целые группы каменщиков, плотников и механиков. Они устали. И вынуждены замедлять свои тяжелые шаги, чтобы их могучие ноги в башмаках не разбрызгивали лужи. Они медленно и грубо врезаются в легкий, стремительный поток вахтенных матросов, являющихся настоящим украшением этого города, искрящегося до рассвета скрипом их ботинок, взрывами смеха, песнями, шутками, оскорблениями, выкрикиваемыми девкам, поцелуями, воротниками и помпонами. Рабочие возвращаются в свои бараки. Весь день они работали (у военного, будь то матрос или солдат, никогда нет ощущения, что он работал), из прихотливого переплетения дополняющих друг друга движений их рук постепенно начали проступать контуры конечного результата их труда, теперь же они возвращаются к себе. Они чувствуют друг к другу что-то вроде смутной привязанности и скрытого отвращения. Женаты из них немногие, но и у тех жены далеко. К шести часам вечера рабочие выходят за решетки Арсенала и покидают доки. Они поднимаются к вокзалу, где расположены столовые, или спускаются к Рекуврансу, где в небольшом меблированном отеле они снимают комнаты. Большинство из них – это итальянцы, но есть и испанцы, несколько североафриканцев и несколько французов. Вот этот разгул усталости, тяжелых мускулов и мужественного утомления и любил созерцать офицер с «Мстителя», лейтенант Себлон.

«Кровельщики работают на крышах зданий Адмиралтейства. Они лежат там ничком, распластавшись, как на волне, на фоне серого неба, вдали от людей на земле.

Их не слышно, они затеряны в просторах моря. На краю крыши, лицом к лицу, они измеряют друг друга высотой поднятого торса, угощая табаком.

На каторжную тюрьму постоянно направлена пушка. Сегодня эта пушка (точнее, ее ствол) поставлена стоймя посередине двора, где выстраиваются каторжники. Удивительно, что раньше преступников в наказание могли отдать в матросы.

Я прошел мимо «Феерии». И ничего не увидел. От меня все скрыто. В Рекуврансе мне мимоходом бросилось в глаза, как на ляжке матроса – я так и не пресытился этим зрелищем, столь частым на борту корабля, – складывается и разворачивается аккордеон.

«Брестировать». Это, без сомнения, о бретерах: ссориться.

Узнав – из газеты или откуда-нибудь еще – об очередном скандале или только предчувствуя его начало, я уже готов бежать. Мне все время кажется, что именно меня заподозрят в том, что я был его зачинщиком. Думая о том, сколько скандалов могло бы возникнуть по моей вине, я начинаю чувствовать себя демонической личностью.

По отношению к хулиганам, которых я держу в объятиях, их головам, тихонько накрываемым простынями и ласкаемым мною, моя нежность и страстные поцелуи являются чем-то вроде смеси признательности и восхищения. После полного одиночества, которое всегда отделяло меня от людей, возможно ли это, правда ли, что я могу прижать к себе этих обнаженных мальчиков, смелость и сила которых поднимает их так высоко, а меня ошеломляет и повергает к их ногам? Я не осмеливаюсь поверить в это, и слезы наворачиваются мне на глаза из благодарности к Господу, давшему мне это счастье. Мои слезы делают меня нежным. Я таю. Ощущая их влагу на своих щеках, я прижимаюсь, изнывая от нежности, к гладкой и твердой щеке юноши.

Строгий, иногда даже подозрительный, как у настоящего блюстителя нравственности, взгляд, которым педераст окидывает встретившегося ему красивого молодого человека, не может скрыть глубокого чувства собственного одиночества. В одном мгновении (пока глаза не отведены) заключено, сконцентрировано так много отчаяния, смешанного с лихорадочной боязнью быть отвергнутым. «Это было бы так прекрасно...» – думает он про себя. И даже если он ни о чем не думает, об этом говорят его изогнутые брови и блеск его темных глаз.

Обнажив часть своего тела, Он (Кэрель, имени которого из предосторожности офицер старался не писать, потому что для его товарищей и начальства содержания его личного дневника было бы достаточно, чтобы его растоптать) – Он рассматривает его. Он отыскивает черные точки, следы от ногтей, розовые прыщи. Ничего не найдя, Он злится и старается их представить. Стоит Ему остаться без дела, как он предается этой игре. Сегодня вечером Он рассматривал свои легкие – хотя и жесткие, – густые черные волосы на ногах, сгущающиеся в паху наподобие тумана, смягчающего грубые, угловатые, как из камня, линии. Меня удивляет, что этот ореол мужественности окружает столь нежную ногу. Он забавляется тем, что прижигает волоски сигаретой, потом наклоняется, чтобы ощутить запах жженого. Он улыбается своей привычной улыбкой. Его отдыхающее тело – это Его великая страсть, страсть, исполненная тоски, не возбуждающая. Склонившись, Он любит себя. Он рассматривает себя, как в лупу. С тщательностью энтомолога, наблюдающего за жизнью насекомых, Он не упускает из виду ничего. Но стоит Ему шевельнуться, и каким ослепительным становится все Его тело в движении!

Он (Кэрель) никогда не бывает рассеянным. Все время, каждое мгновение Он внимателен к тому, что делает. Он не знает, что такое мечта. Он всегда сосредоточен. Его невозможно застать врасплох. И между тем ребячество Его поведения сбивает меня с толку.

Мне хотелось бы засунуть руки в карманы брюк и небрежно бросить Ему: «Подтолкни-ка меня, стряхни мне пепел с сигареты». И грубо, по-мужски, Он ткнул бы меня кулаком в плечо. И я очнулся.

Я мог бы стоять прямо, держась за форштевень, качка была не такая уж сильная, но я сознательно пользовался движением корабля, увлекающим, уносящим меня все время по направлению к Нему. Мне даже удалось коснуться Его локтя.

Казалось, злая и преданная своему хозяину сторожевая собака, готовая перегрызть вам сонную артерию, повсюду следовала за Ним, иногда проскальзывая между Его икрами, так, что бока животного сливались с мускулами Его бедер, она все время рычала и показывала клыки, она была свирепа, и вы все время ожидали, что она вот-вот бросится и вцепится Кэрелю в мошонку».

Представив вам отрывки, тщательно подобранные из разных мест личного дневника, мы хотим, чтобы матрос Кэрель, порожденный одиночеством, пленником которого был офицер, явился вам похожим на Ангела из Апокалипсиса, ногами покоящегося на море. Когда лейтенант Себлон думал о Кэреле, воскрешая в воображении все его прелести, очертания мускулов и половой орган, матрос казался ему ангелом (позже он так и напишет: «Ангел одиночества»), то есть существом все более и более нечеловеческим, хрупким, окутанным звуками музыки, существом, созданным вопреки законам гармонии или, точнее, под музыку, начинающую звучать в тот момент, когда гармония исчерпана, сметена, и под эту музыку медленно летит огромный ангел, никто его не видит, ноги его касаются воды, а голова – или то, что должно быть головой, – сияет в лучах ослепительного солнца. Скрывая от врага план нашего спасения, готовится секретный агент; цель, которую он преследует, так тесно связана с нашей судьбой, что мы полностью зависим от ее успешного осуществления, и эта цель настолько благородна, что при одной мысли о ее исполнителе грудь переполняется волнением и из глаз текут слезы, в то время как он сам готовится к выполнению своей задачи с холодной методичностью. Размышляя о тактике своих действий, он экспериментирует и выбирает самую эффективную. Таким образом, совершая действие, которое мы должны хранить в тайне – и сохраним, потому что в нем нельзя признаваться – которое может совершаться только в темноте, мы иногда с леденящей душу ясностью ощущаем каждую деталь, являющуюся нашему глазу при свете дня. Тот же лейтенант Себлон перед тем, как в первый раз сойти на берег в Бресте, на всякий случай взял со своего стола карандаш и тщательно заточил его. Он положил его в карман. Потом, предположив, что каменные перегородки могут быть слишком темными или слишком шершавыми, он взял с собой несколько маленьких клейких этикеток. На берегу, под банальным предлогом, он покинул своих товарищей и, войдя в первый попавшийся туалет в начале улицы Сиам, расстегнув ширинку и осмотревшись, написал свое первое послание: «Молодой человек, проездом в Бресте, ищет красивого мальчика с красивым членом». Без особого успеха он попытался расшифровать непристойные надписи. Его вывело из себя то, что такое благородное место оскверняется политическими лозунгами. Вернувшись потом к своему тексту, он еще раз перечитал его про себя, испытав такое волнение, как будто это не он сам его написал, и пририсовал к нему вставший член чудовищного размера, сознательно преувеличив наивность рисунка. Потом он вышел, сделав вид, что просто помочился. Так он обошел весь город Брест, непринужденно заходя в каждый туалет.

Странное сходство братьев Кэрель занимало лишь посторонних, сами же они старались не замечать его. Они встречались поздно вечером в единственной кровати, в комнате, рядом с которой в нищете жила их мать. Возможно, их объединяло и что-то еще – любовь к матери или ежедневные драки, – но это «что-то» уже было выше их понимания. Утром они расставались молча. Они не хотели друг друга знать. В пятнадцать лет Кэрель уже улыбался улыбкой, сохранившейся у него на всю жизнь. Он общался с ворами и говорил на арго.

Об этом нужно помнить, чтобы лучше понять Кэреля, у которого мыслительные представления и даже чувства всегда принимают определенную синтаксическую и орфографическую форму. Он говорил: «На полную катушку», «я на мели», «не размазывай сопли», «пидор вонючий», «он попал в точку», «ну и прет этот кореш», «слушай, детка, исчезни в тумане», «завязывай» и т. д.; все эти выражения он никогда не произносил ясно, а скорее шептал их глуховатым голосом, как бы про себя, смазанно. И так как эти выражения не произносились, то можно сказать, что язык Кэреля как бы не участвовал в их появлении. Напротив, казалось, они сами входили в его рот, скапливаясь в нем, откладываясь и образуя густую грязь, откуда иногда поднимался прозрачный пузырь, нежно лопавшийся на его губах. Это и было жаргонное слово.

Городская и портовая полиция Бреста находились под покровительством комиссариата, где в период действия нашего романа служили инспекторы Марио Дога и Марселлен, связанные между собой довольно своеобразной дружбой. Последний был для Марио (известно, что полицейские должны ходить парами) скорее чем-то вроде нарыва, тяжелого, мучительного, но иногда как бы прорывающегося и приносящего счастливое облегчение. Во всяком случае, в осведомители Марио выбрал себе совсем другого – более беззащитного и более симпатичного ему, – Дэдэ, от которого в случае необходимости он всегда мог избавиться.

Как и в любом французском городе, в Бресте был большой универмаг, где Дэдэ и многие моряки постоянно прогуливались между прилавками; предметом их особого вожделения были перчатки, которые они и покупали при первой же возможности. Что касается Адмиралтейства, то в Бресте его заменяла морская префектура.

«За два года, проведенные на морской службе, его непокорность и развращенность стоили ему семидесяти шести наказаний. Он делал наколки новобранцам, воровал у товарищей и вступал в противоестественные сношения с животными».

Из дела Луи Менеклу, 20-ти лет.

Казнен 7 сентября 1880 года

«Я следил за уголовной хроникой, и дело Менеклу потрясло меня. Я не настолько испорчен, как он, я не насиловал и не расчленял своей жертвы. Нас нельзя сравнивать хотя бы потому, что, в отличие от него, я всегда ходил при галстуке...»

Заявление судебному следователю Феликса Леметра, убийцы, 14-ти лет (15 июля 1881 года)

«Впереди идет мужчина с обнаженной головой, волнистыми волосами, одетый в простое элегантное шелковое трико, расстегнутое, несмотря на холод. Взглянув на вас, он медленно проходит мимо, в сопровождении великолепной эскимосской собаки. Ее вид наводит на всех ужас. Этот человек – австриец Оскар Райх, инспектор концентрационного лагеря Дранси».

«Четыре и три», 26 марта 1946 года

«Другой солдат, упав случайно ниц во время битвы, в момент, когда враг поднял меч, чтобы нанести ему смертельный удар, попросил дать ему перевернуться, дабы его возлюбленный не увидел, что он поражен в спину».

Плутарх «О любви»

«Прево сказал, запинаясь: „Я счастлив...очень счастлив...Ах! Да, я очень счастлив!.. что обнаружены пятна крови. Они свежие... очень свежие... совсем свежие!“»

Отрывок из протокола, относящегося к тройному убийству, совершенному ротным Прево. Казнен 19 января 1880 года.

«Средний рост, здоровое тело, атлетическое сложение... густые волосы, небольшие живые глаза, высокомерный взгляд, суровое выражение красивого лица, сильный, но приглушенный голос, нездоровый цвет лица... крайне надменные манеры... Никогда никому не доверяя, ни на кого не обращая внимания, он умел без особого труда быть непроницаемым и загадочным».

Портрет Сен-Жюста, сделанный Паганелем.

Купленные или украденные потертые голубые штаны скрывали его великолепные ноги, в настоящий момент неподвижно застывшие в последнем решительном шаге, потрясшем стол. Он был обут в черные потрескавшиеся лакированные туфли, на которые накатывала рождавшаяся у пояса зыбь голубого полотна. Его торс был обтянут шерстяной слегка засаленной футболкой с отогнутым воротом. Кэрель приоткрыл рот. Он сделал жест, как будто собираясь поднести ко рту окуроч, но рука его застыла в воздухе на уровне груди, и рот остался приоткрытым. Казалось, он ртом рассматривает Жилия и Роже, связанных между собой почти осязаемой нитью взгляда, лица их сияли, создавалось впечатление, что Жиль поет, а Роже, как бы совращая его, подчиняет и вбирает в себя молодого восемнадцатилетнего каменщика, голос которого этим вечером покорила весь кабак. Матрос видел, что они никого не замечают. Кэрель вдруг почувствовал, что рот у него приоткрыт. Губы его слегка скривились в едва заметной улыбке. Легкая усмешка пробежала по его лицу, и все его рассеянно опершееся о стену тело застыло в иронично созерцательной позе. Из-под нахмуренных бровей насмешливым взглядом – что соответствовало его кривой улыбке – он рассматривал этих двух парней. Исчезнув с губ Жилия, улыбка умерла и на губах Роже, как будто нить между ними порвалась, но спустя четыре секунды Жиль, стоя на столе, снова запел и вновь обрел свою улыбку, которой опять зажег улыбку Роже и уже не давал ей угаснуть до самого последнего куплета. Оба мальчика ни на секунду не отрывали друг от друга глаз. Кэрель плечом подпирал стену быстро. Он напрягся, чтобы лучше почувствовать, как трепетная мускулатура его спины уперлась в твердую и непроницаемую стену. Две тени слились в тишине. Кэрель знал, что у него красивая спина. Несколько дней позже мы увидим, как он, как бы невзначай, продемонстрирует ее лейтенанту Себлону. Не сходя с места, он играл мускулами своих плеч, соперничая с каменной поверхностью стены. Он был силен. Одной рукой – другая оставалась в кармане куртки – он поднес к своим губам зажженный окуроч. Легкая улыбка промелькнула на его лице. Робер и два других матроса замороженно слушали песню. Кэрель всем своим видом демонстрировал, что ему «все до фени», как любят говорить солдаты. Выпустив струйку дыма вслед за своей мыслью (как будто он хотел ее замаскировать или слегка подразнить), он так и оставил свою губу немного вздернутой над зубами, нежную белизну которых, приглушенную ночной темнотой и тенью его верхней губы, он так любил. Глядя на связанных взглядом и улыбками Жилия и Роже, он не мог снова сомкнуть свои приоткрытые губы и вобрать в себя нежный блеск зубов, мысли о котором успокаивали его сознание, как небесная лазурь успокаивает наши глаза. За его губами, слегка коснувшись неба, шевельнулся трепещущий язык. Один из матросов начал застегивать свой бушлат, приподнимая ворот. Кэрель не отдавал себе отчета в том, что он чудовище. Вглядываясь с пугающей и в то же время нежной ироничной улыбкой в свое прошлое, он не мог отделить его от собственного «я». Подобно тому

как превратившийся в аллигатора юноша, в глазах которого еще не угасла человеческая душа, уже не замечает своей огромной пасти и рассматривает свое потрескавшееся тело, свой мощный гигантский бьющий по воде или песку и задевающий других чудовищ хвост с волнующим, отвратительным и невозмутимым величием царственного ребенка в ореоле кружев, гербов, сражений и тысяч преступлений. Он знал ужас одиночества и бессмертного очарования животного мира. Ему была знакома жуткая таинственная жизнь больших грязных рек и джунглей. Он не хотел, чтобы хоть какой-то свет, исходящий изнутри его тела или сознания, сделал его чешуйчатый панцирь видимым для людей, которые превратили его в хищника.

В Бресте кое-где засаженные деревьями земляные валы образуют аллеи, которые, вероятно в насмешку, называют Булонским лесом. Летом там открываются бистро, где можно пить прямо под деревьями за деревянными, разбухшими от дождя и тумана столами. Матросы тащат девку под деревья: Кэрель ждет, когда ее оприходуют все его товарищи, потом подходит к ней, все еще распростертой в траве, делает вид, что расстегивает клапан на брюках и вдруг, после короткой, очаровательной заминки, снова его застегивает. Кэрель спокоен. Стоит ему немного повернуть голову вправо или влево, и его щека трется о поднятый воротник бушлата. Это прикосновение его успокаивает. Оно напоминает ему, что он в полном порядке и прекрасно одет.

Когда Кэрель вернулся, сцена в бистро снова всплыла в его памяти, но он не мог точно определить свое отношение к ней. Ему трудно было обозначить словами свои чувства. Он знал только, что она вызывает у него ироническую улыбку. Он не мог сказать почему. Из-за обычной строгости, почти суровости его бледного лица эта ироническая улыбка придавала ему саркастическое выражение. Несколько секунд он стоял, очарованный установившейся и непрекращающейся, ставшей почти осязаемой гармонией между взглядами обоих парней: одного поющего – он стоял на столе – и опустившего лицо к другому, взгляд которого был устремлен вверх. Кэрель снял носок. Убийства обогащали Кэреля не только материально. От них в нем накапливалось что-то вроде тины, грязи, запах которой приглушал его отчаяние. От каждой своей жертвы он оставлял на память что-нибудь грязненькое: рубашку, лифчик, шнурки от ботинок, носовой платок – предметы, являющиеся явными доказательствами его вины и таящие опасность для его жизни. Они были символами его силы, его успеха. Неприличными подробностями, которые всегда скрываются за любой, самой ослепительной, но обманчивой внешностью. Неявным образом они соответствовали миру сверкающих красотой, мужеством и самодовольством матросов с грязной расческой с обломанными зубьями в глубине кармана, в гетрах военного образца, издали безупречных, как паруса, но, как и они, недостаточно отбеленных, в элегантных, но плохо скроенных брюках, с небрежно выполненными татуировками, грязными носовыми платками, дырявыми носками. Впечатление от взгляда Кэреля лучше всего было бы передать следующей картиной: нежный, усеянный невидимыми шипами стебель, к которому из-за колючей проволоки тянется грубая рука заключенного. Сам не понимая зачем, едва слышно он сказал, обращаясь к уже лежащему в гамаке приятелю:

– А те два парня были забавные.

– Какие два парня?

– А?

Кэрель поднял голову. Очевидно, приятель его не понял. На этом разговор оборвался. Кэрель снял второй носок и лег. Ни спать, ни вспоминать бистро ему не хотелось. Лежа он мог спокойно обдумать свои дела, и, несмотря на усталость, ему необходимо было это делать как можно быстрее. Хозяин «Феерии» должен был взять два кило опиума, если Кэрелю удастся вынести их с судна. Таможенники просматривают даже самые маленькие чемоданы матросов. На дебаркадере они перетряхивают всех, кроме офицеров. Кэрель вспомнил лей-

тенанта. Мысли о нем не покидали Кэреля с тех пор, как в его голове впервые промелькнуло нечто такое, что он сам мог бы выразить примерно так:

«Давненько он на меня пялится. Как кобель на сучку во время течки. Наверное, я ему нравлюсь».

Невольная страсть, которую лейтенант обнаруживал к нему одному, могла бы ему пригодиться.

«Да только он придурок. Этот чокнутый потом вообразит, что я должен его трахнуть».

Кэрель вспомнил, как недавно, прямо у него на глазах лейтенант Себлон ответил капитану дерзко и свысока.

Кэрелю было приятно думать, что Робер ведет жизнь восточного шейха, спокойную и расслабленную, став любовником хозяйки борделя и другом ее услужливого мужа. Он закрыл глаза. В нем вновь пробудилась та часть сознания, которая объединяла его с братом. Оттуда, из глубины, где он путал себя с Робером, он извлек слова, потом, при помощи несложных операций, — ясную мысль, которая, постепенно оживляясь и удаляясь от этих глубин, отделила его от брата и пробудила в нем ту часть сознания, в которой происходили процессы, уже свойственные только ему, и которая объединяла его с Виком. Кэрель стал думать о Вике, и, пока его мысль блуждала где-то в преддвериях рая, олицетворявшихся в неясных предчувствиях любви, он все больше обретал самого себя и отделялся от него. Он лениво ласкал свой зажатый в руке член. Тот не вставал. В море он часто повторял вслед за остальными матросами, что в Бресте уж отведет душу, но этой ночью о девках ему не хотелось даже думать.

Кэрель был точной копией своего брата, но Робер был замкнут, а он был более открыт (свойство характера, которое отличало их друг от друга, но которое проститутка в постели могла и не заметить). Для нас Кэрель существовал всегда, ибо настал момент, можно даже указать точную дату и час, и мы решили написать роман (хотя это слово и плохо подходит для обозначения описаний предстоящих событий или последствий событий, уже происшедших). Мало-помалу мы лучше узнавали Кэреля — еще не отделившегося от нас самих, — он рос, расцветал в нашей душе, вскормленный лучшим, что в нас есть, и в первую очередь нашим отчаянием, мы уже не могли отождествлять себя с ним, но чувствовали его присутствие в нас. Открыв, таким образом, для себя Кэреля, мы хотим, чтобы он стал героем даже в глазах самого предубежденного читателя. Наблюдая в собственной душе за его развитием и перипетиями его судьбы, мы увидим, как он окончательно раскрывается в конце, к чему, кажется, его все время подталкивает его собственное желание и неумолимый рок.

В описанной нами сцене показано событие, раскрывающее сущность Кэреля. (Мы по-прежнему говорим об идеальном и героическом персонаже, являющемся плодом наших тайных мечтаний.) Это событие было настолько значительным, что его можно сравнить с Явлением. Без сомнения, лишь много позже мы сможем оценить его подлинную значимость, но уже сейчас мы ощущаем дрожь предчувствия. Чтобы стать видимым, превратиться в персонаж романа, Кэрель должен, наконец, явиться самостоятельно. И вам откроются реальная красота его тела, поведения, поступков и их постепенное разложение.

С торжественной медлительностью, движимый, быть может, пальцем самого Бога, земной шар вращается вокруг своей оси. Мы видим Океаны, Пустыни, Леса, поросшие кустарником Равнины. Взгляд Бога пронизывает небесную лазурь. Его палец застывает. Он раздвигает туман с осторожностью крестьянки, которая, желая проверить самочувствие крольчат, раздвигает пуховую подстилку, прикрывающую их, с той же медлительностью и нерешительностью, которую мы сами ощущаем в своих руках, когда, затаив дыхание, раздвигаем пальцем самую обыкновенную сморщенную ткань ширилки мальчика, неосто-

рожно заснувшего рядом с нами. Наш взгляд застывает. Бог задерживает дыхание. Брест пробуждается под Его взглядом.

Когда спускаешься к порту, кажется, что туман еще больше сгущается. В Рекувансе, за мостом Пенфелд, он такой, что создается впечатление, будто дома и крыши плывут. В спускающихся к набережным улочках пустынно. Кое-где в открытых кафе слабо переливается солнце. Сквозь этот туманный свет, опаловую завораживающую материю, скрывающий и таящий в себе опасности туман проходят все: пошатывающийся на своих крепких ногах пьяный моряк, докер с подружкой, вооруженный ножом хулиган или даже вы сами, чувствуя, как бьется ваше сердце. Туман объединял Жилья и Роже. Он укреплял их взаимное доверие и дружбу. Хотя они сами этого почти не осознавали, их изолированность позволяла им ощутить легкое волнение, сладкое, упоительное чувство, которое способны испытывать только дети; они шли, засунув руки в карманы, спотыкаясь и касаясь друг друга ногами. – Внимательней, черт побери! Пошевеливайся.

– Сейчас будет набережная. Надо быть поосторожней.

– Чего поосторожней? Ты что, сдрейфил?

– Да нет, но все же...

Порой они чувствовали, как мимо проходит женщина, замечали неподвижный огонек сигареты или прижавшуюся к стене парочку.

– Ну?.. Что, наконец?

– Послушай, Жиль, мне кажется, что ты злишься. Я не виноват, что моя сестренка не смогла прийти.

И, пройдя еще несколько шагов, он добавил, слегка понизив голос:

– Вчера вечером тебе, наверное, с той брюнеткой, которую ты пригласил на танец, и без Полетты было не скучно?

– А тебе-то что за дело? Ну да, я танцевал, и что с того?

– Но ты не только танцевал, ты ушел с ней.

– Ну так что же? Я не женат на твоей сестренке, приятель. И не тебе читать мне мораль. Только, я считаю, ты мог бы устроить, чтобы она пришла. (Жиль говорил громко, но небрежно, смазывая слова, так что понять его мог лишь Роже. И вдруг опять понизил задражавший от волнения голос.) – Я ж те говорил?

– Я не смог, ты же знаешь, Жиль, клянусь тебе.

Они повернули налево, в направлении пакгаузов. Они снова натолкнулись друг на друга. Жиль машинально положил руку на плечо мальчика. И оставил ее там. Роже немного замедлил шаги, надеясь, что его приятель остановится. Чего он ждал? Бесконечная нежность разлилась по его телу, но мимо опять кто-то прошел: здесь он никогда не сможет остаться с Жильбером один. Жиль убрал свою руку, снова засунув ее в карман брюк, и Роже почувствовал себя покинутым. Однако, снимая ее, Жиль невольно надавил ею на плечо друга. Казалось, что огорчение сделало его руку тяжелой.

Вдруг Жиль почувствовал, что у него встает.

– Черт побери!

Он ощутил натяжение плавок, обтягивавших его член. Это «черт побери» (и еще удивление) проникло в него, завладевая всем его телом, по мере того, как его член твердел, натягивал ткань и выпрямлялся в тесных плавках из прочной и тонкой сетки. Жиль попытался представить себе как можно яснее лицо Полетты, и вдруг его воображение переключилось на другое, он попытался мысленно заглянуть под юбку сестры Роже и рассмотреть то, что было у нее между ног. Почувствовав необходимость немедленной физической близости, он довольно цинично подумал про себя:

«А ее брательник-то здесь рядом, в тумане!»

Теперь ему не терпелось войти в это тепло, в черную, опушенную мехом, слегка приоткрытую дырку, откуда даже у полуохладевших трупов исходят волны тяжелых и обжигающих запахов.

– Твоя сестренка мне нравится, ты же знаешь!

Роже широко улыбнулся. Он приблизил свое открытое лицо к лицу Жилия.

– О!..

Возглас получился нежным и хриплым – казалось, он исходил из живота Жилия, – и вырвался вместе с тоскливым вздохом, рожденным у основания вставшего члена. Он почти физически ощутил, что между основанием его члена и глубиной горла, откуда вырвался его приглушенный хрип, существует прямая и глубокая связь. Нам хотелось бы, чтобы эти размышления и наблюдения, которые не в состоянии реально ни совершить, ни сформулировать персонажи книги, позволили нам выступить не только в качестве наблюдателей, но и самим ощутить себя на месте этих персонажей, постепенно освобождаясь от своих собственных тайных желаний. Член Жилия все больше напрягался. Его рука придерживала его в кармане, прижимая к животу. Его член напоминал дерево, дуб со мшистым подножием, в корнях которого рождаются стонущие мандрагоры.³ (Иногда, проснувшись, Жиль шутил называл свой вставший член «мой висельник».) Они замедлили шаги и прошли еще немножко...

– Она тебе нравится, да?

Сжав зубы, не вынимая рук из карманов, приблизив свое лицо к его лицу, Жиль заставил мальчика отступить к стене. Он толкал его животом и грудью.

Роже попытлся, продолжая улыбаться и отворачивая голову от напряженного лица молодого каменщика, давившего его всем своим сильным телом.

– Ты что, смеешься над этим?

Жиль вытащил одну руку – другой он продолжал придерживать свой член – из кармана. Он положил ее на плечо Роже, так близко к воротнику, что его мизинец коснулся ледяной щеки мальчика. Прижатый спиной к стене, Роже не мог отступить и невольно соскользнул вниз. Он все еще улыбался.

– А? Тебе смешно? Да?

Жиль властно придвинулся, как делают влюбленные. Рот его был жесток и нежен, как украшенные тонкими усиками рты обольстителей, лицо его вдруг стало так серьезно, что уголки губ Роже опустились и его улыбка погрузилась. Стоя спиной к стене, Роже все с той же грустной улыбкой продолжал тихонько соскальзывать вниз, казалось, его поглощала чудовищная тень Жилия, склонившегося над ним, с рукой в кармане.

– О!

Жиль опять издал уже описанный нами приглушенный и глубокий хрип.

– А я-то хотел ее, твою сестренку. Я клянусь тебе, что если бы она была здесь вместо тебя, я бы ей сейчас вставил!..

Роже ничего не отвечал. Он больше не улыбался. Он глядел в глаза Жилия, у которого только припудренные цементом и известью брови сохранили еще остатки нежности.

– Жиль!

В голове у него пронеслось:

«Это Жиль, Жильбер Тюрко. Поляк, который не так уж давно начал работать в Арсенале на верфи с каменщиками. Его считают вспыльчивым».

И смешивая слова с пронзающим туман дыханием, он прошептал в ухо Жилию:

– Жиль!

³ Мандрагора – растение, корни которого напоминают человеческую фигуру. Существовало поверье о происхождении мандрагоры из поллюций повешенного человека (ср. нем. Galgenmannlein – букв.: «висельничек»).

– О!.. О!.. Странно, что я так этого хочу. Я бы сделал ее... Ты на нее похож, у тебя такая же мордашка.

Он приблизил руку к шее Роже. То, что он ощущал себя сейчас, стоя среди струящихся с неба потоков тюля, хозяином положения, придавало Жилью Тюрко желание быть жестоким, резким и решительным. Разорвать туман, проткнуть его грубым и резким движением, а может быть, достаточно одного твердого взгляда, и его мужественность будет подтверждена, ибо он знал, что вечером, когда он вернется в бараки, опять будет безжалостно и грубо унижен.

– У тебя ее глаза. Жаль, что ты не она. Эх! Ну что?

Ну что, ты двигаешь или нет?

И как бы желая помешать Роже «двигать», он навалился животом на него, прижимая мальчишку к стене, в то время как его свободная рука поддерживала очаровательную головку, парившую над миром вне сферы влияния Жилия. Они застыли, прижавшись друг к другу.

– Что ты ей скажешь?

– Постараюсь, чтобы она пришла завтра.

Несмотря на свою неопытность, Роже понял подлинный смысл своего испуга, когда услышал собственный голос, который стал почти бесцветным.

– А как насчет того, что я тебе сказал?

– Это тоже. Пошли, Жиль?

Они снова пришли в себя. Рядом шумело море. Все это время они находились почти прямо над водой. На мгновение и тот и другой почувствовали испуг оттого, что опасность была так близко. Жиль достал из кармана сигарету и зажег ее. Роже увидел его прекрасное, будто вылепленное большими сильными руками лицо, скрытую сущность которого высвечивал дрожащий и слабый огонек.

«Говорят, что убийца Менеклу завлек задушенную им девочку цветком лилии. Именно своими волосами и глазами, своей улыбкой Он (Кэрель) влечет меня. Но разве я обречен на смерть? Разве эти кудри и эти зубы отравлены? Разве любовь – это гибельная ловушка? Разве, наконец, Он меня привлекает? И только «ради этого»?

Может быть, перед тем, как позволить Кэрелю поглотить себя, мне следовало бы включить сирену тревоги?»

В отличие от остальных персонажей, которым недоступны используемые нами лирические приемы, только лейтенант Себлон оказывается способен достойно изобразить предмет своего вожделения.

«Я бы хотел – о, как страстно я этого желаю! – чтобы и в королевском одеянии Он всегда оставался лишь хулиганом! Броситься к Его ногам! Целовать Его щиколотки!

Чтобы вновь обрести Его, чтобы пережить горечь разлуки и волнение при встрече, чтобы, наконец, осмелиться сказать Ему «ты», я притворился, что надолго уезжаю по делу. Но я не смог устоять. Я вернулся. Я снова увидел Его и почти со злостью отдал Ему приказ.

Он может все. Плюнуть мне в лицо, первым сказать мне «ты».

«Вы смеете тыкать мне», – сказал бы я Ему тогда. Удар Его кулака, который я бы ощутил на своей физиономии, заставил бы меня услышать шепот гобоя: «Моя вульгарность царственна и дарует мне все права!»

Вызвав бортового парикмахера, лейтенант Себлон приказал обрезать себе волосы как можно короче, чтобы выглядеть более мужественно, не столько заботясь о том, чтобы это ему шло, сколько желая походить (как он думал) на прекрасных мальчиков. Он и не подозревал, что только отдаляет их от себя.

Он был хорошо сложен, широк в плечах, но всегда чувствовал в себе некую женственность, иногда не больше, чем в яичке синицы величиной с бледно-голубое или розовое драже, а иногда перехлестывающую через край, разливающуюся по всему телу, заполняющую его молоком. Женственность, лейтенант с грустью был вынужден признать это, томилась в нем, мгновенно распространяясь в его чертах, глазах, кончиках пальцев, отмечая каждый его жест, расслабляя его. Ему приходилось все время следить за собой, чтобы кто-нибудь не подумал, что он считает петли на воображаемой дамской работе, почесывая в волосах воображаемой спицей. И все-таки он выдавал себя в глазах мужчин, когда произносил фразу: «К оружию!», потому что он произносил «к оружию» почти как «кружево» и с такой грацией, как будто все его существо преклоняло колени перед могилой прекрасного возлюбленного. Он никогда не улыбался. Остальные офицеры, его товарищи, считали его строгим, немного пуританином, правда, с его внешней суровостью как-то не вязалась странная изысканность жеманного тона, которым он невольно произносил некоторые слова.

«Какое счастье сжимать в своих руках прекрасное тело, даже если оно большое и сильное! Сильнее и больше, чем мое.

Мечты. Сбудутся ли они? ... Каждый вечер Он сходит на берег. Когда Он возвращается, его холщовые голубые брюки, расклешенные и, вопреки уставу, закрывающие ступни, бывают забрызганы спермой, смешавшейся с дорожной пылью, которую Он подметает их обтрепанными краями. Я никогда еще не видел таких грязных матросских брюк. Если бы я попросил у Него объяснений, Он бы сдвинул берет назад и с улыбкой ответил:

«Все из-за вафлеров. Они сосут у меня и кончают мне на штаны. Это всего лишь их сперма».

Он наверняка даже гордится этим. Он носит эти потеки с победоносным бесстыдством, как украшение».

Самый заурядный брестский бордель, в котором нельзя было встретить даже военных моряков, способных хоть немного оживить и облагородить его, «Феерия», тем не менее, был самым известным. Эта помпезная, вся в золоте и пурпуре берлога являлась местом отдыха колонистов, докеров и моряков торгового и речного флота. Матросы приходили сюда «оттянуться», «на блядки»; у докеров и остальных это называлось «вдарить по приколам». Ночью «Феерия» пробуждала смутные, неясные предчувствия готовящегося преступления. Три или четыре подозрительных типа поджидали кого-то в окутанном туманом сортире на противоположной стороне улицы. Из-за приоткрытой двери борделя доносились звуки механического пианино, голубые ленты музыкального серпантина струились в полумгле и обвивали шеи и запястья проходящих мимо рабочих. Но днем это грязное, мрачное и серое заведение завораживало еще больше. Один вид его фонаря и закрытых ставен вызывал в воображении зашедшего в квартал борделей матроса образ вожака роскоши, которая рисовалась ему в виде хрусталя, фарфора, шампанского, молочных грудей и бедер под облегающими черными шелковыми платьями с глубокими декольте. Дверь борделя была необычна. Она представляла собой железное панно с длинными заостренными переливающимися на солнце металлическими – возможно, даже стальными – направленными в сторону улицы прутьями. Ее ирреальный таинственный вид будоражил истосковавшуюся по любви душу. Для грузчика или портового рабочего сама эта дверь уже была симво-

лом жестокости, сопровождающей любовные обряды. Эта дверь была идеальным сторожем, поскольку лишь толстокожие чудовища и бесплотные духи могли пройти через нее, не поранившись о прутья, – если только она не открывалась сама при одном слове или жесте того грузчика или солдата, который в этот вечер оказывался счастливым и непорочным принцем, волшебным образом достигшим запретных областей. То, что нуждается в столь тщательной охране, должно было бы быть либо опасным для окружающего мира, либо таким хрупким, что ему требуется защита не меньшая, чем та, в которой нуждаются девственницы. Направленные на него острия вызывали у грузчика улыбку, что не мешало ему почувствовать себя на мгновение обольстителем, который, успокоив свою жертву словом и очаровательной внешностью, бросается на приступ возбужденной девственности. И если у него не вставал сразу же на пороге, он все равно ощущал в своих штанах присутствие члена, пусть еще мягкого, – но поверженная дверь напоминала о нем, и легкое сокращение, пробегая от головки к его основанию, волновало мускулы его ягодиц. Внутри своего все еще вялого члена грузчик начинал ощущать слабое отвердение, что-то вроде «напоминания» о твердости. И мгновение, когда дверь с шумом захлопывалась за посетителем, было преисполнено особой значимости. Мадам Лизиана находила у этой двери другие достоинства. Она так надежно закрывалась, что делала хозяйку похожей на океанскую жемчужину в перламутровой раковине, которая может по желанию открыть или закрыть свои створки. С жемчужиной Мадам Лизиану роднили нежность и слабое свечение ее молочно-белого лица, происходящее от глубокой внутренней умиротворенности и ощущения тихой радости. У нее были соблазнительные округлые и пышные формы. Эта полнота являлась как бы результатом многолетнего кропотливого труда, терпеливой экономии, процентов и приношений. Мадам Лизиана была уверена в незыблемости своего положения. Дверь это гарантировала. Острия надежно охраняли ее даже от воздушных дуновений. Итак, хозяйка вела размеренную жизнь в феодальном замке, образ которого невольно возникает в нашем воображении. Она была счастлива. Только самые нежные и легкие веянья внешнего мира доходили до нее, наполняя ее превосходным жиром. Она была благородна, возвышенна и восхитительна. Предохраненная от солнца, звезд, игр и мечтаний – но питаемая своим солнцем, своими звездами, своими играми и мечтаниями, – взгромоздившись на каблуки времен Людовика XV, она медленно парила над девицами, не задевая их, поднималась по лестницам, пересекала обтянутые золоченой кожей коридоры, обходила комнаты и причудливые, ослепляющие светом и зеркалами салоны, которые даже трудно описать: стены их были отделаны стеганой материей и украшены искусственными цветами в стеклянных вазах рядом с изысканными гравюрами. Время потрудилось над ней, и она была прекрасна. Уже шесть месяцев Робер был ее любовником.

– Так ты платишь наличными?

– Я ж те сказал, что да.

Холод пробежал по телу Кэреля от взгляда Марио. Взгляд и поведение Марио были более чем безразличными, они были: «леденящими». Стараясь не замечать этого, Кэрель уставился в глаза хозяину притона. Его собственная скованность тоже его смущала. Сдвинувшись с места, он снова почувствовал некоторую уверенность в себе. Ощувив свое гибкое тело, он подумал: «Я всего лишь матрос. На мою зарплату не проживешь. Приходится как-то выкручиваться. Мне нечего стыдиться. Я торгую наркотиками. И не ему меня судить. Даже если он легавый, мне это до фени». Он чувствовал, что ничего не может противопоставить спокойному безразличию хозяина, которого почти не интересовал предложенный товар и еще меньше интересовал он сам. Почти абсолютная неподвижность и молчание сковывали этих троих персонажей.

Кэрель думал примерно так: «Надо было сказать, что я брат Боба. Тогда бы он не решился выдать меня полиции». В то же время, он не мог не оценить необыкновенную

силу хозяина и красоту легавого. Никогда еще он не сталкивался с по-настоящему мужественным соперником, и никто еще не вызывал у него таких чувств, которые вызывали у него эти два человека, – в отличие от нас, он сам не мог до конца осознать причину своего смятения – впервые в жизни он страдал от безразличия мужчины. Он сказал:

– Шухера нет?

Он имел в виду типа, который продолжал неподвижно смотреть на него, но не решился уточнить свои опасения. Он не осмелился показать хозяину на Марио даже глазами.

– Можешь на меня положиться. Я сказал, что бабки ты получишь. Тащи свои пять килограммов⁴ дури и забирай свою мелочь. Понял? Действуй, старик.

Плавным, едва заметным движением головы хозяин указал на стойку, за которой стоял Марио.

– Это Марио. Не волнуйся, он свой.

Когда Марио протянул руку, ни один мускул на его лице не дрогнул. Рука была жесткая, плотная, скорее вооруженная, чем украшенная тремя золотыми перстнями. Кэрель был на несколько сантиметров ниже Марио. Он почувствовал это, когда увидел эти роскошные перстни, знаки величайшего мужского могущества. Не приходилось сомневаться, что этот тип твердо стоит на земле. Внезапно с легкой грустью Кэрель вспомнил, что у него на мокнувшем на рейде судне в переднем отсеке было припрятано все для того, чтобы он мог сравняться с этим самцом. Эта мысль его немного успокоила. Но кто бы мог подумать, что полиция может быть столь богата и неотразима? И что преступные элементы (а таким он считал хозяина борделя) способны еще больше эту неотразимость подчеркивать. Он подумал: «Легавый! Всего лишь легавый!» Но эта мысль, медленно прокручиваясь в мозгу Кэреля, не успокаивала его, и его презрение постепенно уступало место восхищению.

– Привет...

Голос у Марио был сильным и твердым, совсем как его руки, – правда, лишенным какого бы то ни было блеска. Он давил на Кэреля. Это был грубый, тяжелый голос, способный сдвинуть глыбы и кучи земли. Несколькими днями позже, вспоминая о нем, Кэрель скажет полицейскому: «Прям как куском мяса шлепает по роже...» Кэрель широко улыбнулся и, не сказав ни слова, протянул руку. Хозяина же он спросил:

– А мой брательник придет или нет?

– Не знаю. Я его не видел.

Боясь показаться бестактным и разозлить хозяина, Кэрель не стал расспрашивать его подробнее. Большой холл борделя был тих и пуст. Казалось, он серьезно и внимательно вслушивается в разговор. В три часа дня дамы обедали в столовой. Никого не было. Мадам Лизидана причесывалась в своей комнате на втором этаже. Горела всего одна лампочка. Зеркала были пустыми, чистыми и потусторонними, так как им было почти нечего и нечего отражать. Хозяин чокнулся и опустошил свой стакан. Здоровья ему было не занимать. Никогда, даже в молодости, не отличаясь особой красотой, несмотря на черные точки на коже, крошечные темные впадины на шее и следы от оспы, он еще был настоящим самцом. Его усики, подстриженные на американский манер, напоминали о 1918 годе. Тогда благодаря янки, спекуляции и женщинам он смог разбогатеть и купить «Феерию». Длинные прогулки в лодке, поездки на рыбалку обветрили его кожу, сделав ее бронзовой. У него были жесткие черты лица, резко очерченный нос, маленькие живые глазки и лысый череп.

– Когда ты придешь?

– Мне надо еще сделать дело. Необходимо вынести пакет. Но за это можешь не волноваться. Я кое-что придумал.

Стоя со стаканом белого в руке, хозяин недоверчиво посмотрел на Кэреля.

⁴ Так в оригинале.

– Да? Только меня не надо в это впутывать, я тут не причем.

Марио продолжал стоять неподвижно, с отсутствующим видом. Он стоял, облокотившись о стойку, и зеркало за ним отражало его спину. Не говоря ни слова, он оторвался от стойки, делавшей его позу живописной, и прислонился спиной к зеркалу рядом с хозяином. Казалось, он прислонился к себе самому. Стоя перед двумя мужчинами, Кэрель почувствовал вдруг недомогание, что-то вроде тошноты, как рядом с убийцами. Невозмутимость и красота Марио сбивали его с толку. Величие их было безмерно. Норбер, хозяин борделя, был страшно силен. Марио тоже. Линии тела одного продолжались в другом, их мускулы и лица смешались. И то, что хозяин не был стукачом, казалось еще более невероятным, чем то, что Марио был всего лишь полицейским. Кэрель почувствовал, как в нем дрожит и трепещет готовая исторгнуться в тошноте его душа. Испытывая головокружение перед этим мощным переплетением плоти и нервов, которое виделось ему где-то очень высоко – он даже поднял голову так, как будто хотел измерить взглядом гигантскую ель, – и которое, подчиняясь бычьей шее Норбера, постоянно увеличивалось и разрасталось, приобретая очертания прекрасного облика Марио, Кэрель приоткрыл рот, небо его пересохло.

– Нет, нет. Я как-нибудь выпутаюсь сам.

На Марио был простой, в коричневую клетку костюм и красный галстук. Он пил с Кэрелем и Ноно (Норбером) белое вино, но, казалось, разговор совсем не интересовал его. Это был настоящий легавый. Кэрель чувствовал значительность его осанки, сдержанность его жестов свидетельствовала о безграничной власти: власти непререкаемого морального авторитета, твердого социального положения, револьвера и права на его применение. Марио принадлежал к расе господ. Кэрель еще раз протянул руку и, подняв воротник своего бушлата, направился к запасному выходу: и правильно, безопаснее было выйти через черный ход.

– Пока.

Голос Марио, как мы уже сказали, был сильным и бесцветным. Странно, но, услышав его, Кэрель почувствовал некоторое успокоение. Очутившись за порогом, он постарался зафиксировать свое внимание на ощущениях, которые вызывало прикосновение различных частей его матросской амуниции к телу; прежде всего, он ощутил прикосновение твердого воротника бушлата, защищавшего его шею, как броня. Воротник был для него чем-то вроде массивного ошейника, в котором он чувствовал свою нежную шею крепкой и неприступной, а у ее основания, он все время помнил об этом, находилась очаровательная затылочная впадина, его самое уязвимое место. Слегка согнувшись, он коснулся коленями ткани брюк. Наконец Кэрель вновь обрел свою характерную матросскую походку, с удовольствием почувствовав себя настоящим матросом. Он слегка повел плечами справа налево. Ему захотелось задрать бушлат и засунуть руки в открытые на животе карманы, но вместо этого он пальцем сдвинул свой берет назад, на затылок, так что его край коснулся поднятого воротника. Подтвержденная осязанием уверенность в том, что он моряк, немного возбудила и успокоила его. Он чувствовал грусть и ожесточение. Обычная улыбка исчезла с его губ, туман смочил его ноздри, освежив веки и подбородок. Он шел вперед, пробиваясь свинцовым телом сквозь вязкий туман. Чем дальше он удалялся от «Феерии», тем сильнее ощущал приток силы, проистекавшей из мощи Полиции, на благосклонное расположение которой он, как ему казалось, теперь мог рассчитывать. Думая о Полиции, он приписывал ей мускульную силу Ноно и красоту Марио. И все оттого, что он впервые имел дело с полицейским. Наконец-то он встретил настоящего легавого. Он подходил к нему совсем близко. Он дотрагивался до его руки. Они только что заключили взаимовыгодный договор. Вместо своего брата он нашел в борделе двух наглых монстров, двух козырных тузов. И все-таки, удаляясь от борделя и испытывая приток сил, проистекающих из мощи Полиции, он, тем не менее, оставался моряком. Кэрель смутно чувствовал, что приблизился к совер-

шенству как никогда: отныне его великолепный неотразимый костюм скрывал под собой не только убийцу, но и обольстителя. Он стремительно шел вниз по улице Сиам. Туман был холодным. Марио и Ноно сливались все больше, подчиняя себе – но и отталкивая – Кэреля, ибо в душе матрос никак не мог смириться с превосходством полицейского. На стороне Кэреля был весь Военный флот. Он шел быстрым, твердым и уверенным шагом, казалось, что это его форма увлекает его вперед. Его тело было как стальной корпус корабля, вооруженного грозными, тяжелыми и точными пушками и торпедами. Кэрель был уже не просто Кэрелем, а «Кэрелем», огромной, наделенной разумом и волей металлической массой, гигантским разрезающим морские волны крейсером.

– Ты что, не видишь меня, придурок!

Его голос, как корабельная сирена, разорвал туман.

– Это вы не видите...

Вдруг вежливый молодой человек, который натолкнулся на каменное плечо Кэреля, почувствовал себя оскорбленным и сказал:

– Ты мог бы быть и повежливее! Подключи свои глаза!

Возможно, он хотел сказать: «Открой свои глаза», для Кэреля это выражение прозвучало как:

«Освети дорогу, включи свои сигнальные огни».

Он резко повернулся:

– Включить огни?

В его хриплом и решительном голосе слышалась готовность к драке. Он готовил свои орудия к бою. Он снова не узнавал сам себя. Ему хотелось иметь дело непосредственно с Марио и Норбером, а не с мифическим персонажем, олицетворявшим их обобщенные достоинства, – но на самом деле он чувствовал себя под покровительством именно этого персонажа. Однако, все еще не решаясь себе в этом признаться, он в первый раз в жизни сослался на флот.

– Послушай, приятель, ты ведь не хотел бы нарваться на крупную неприятность, не так ли? А то матрос заставит тебя заткнуться. Навсегда. Ты слышь меня?

– Я ничего не хотел, я просто шел мимо...

Кэрель посмотрел на него. Он чувствовал себя под защитой своей формы. Он с силой сжал кулаки и вдруг почувствовал, как напрягаются для драки все его мускулы и нервы. Он приготовился к броску. Его икры и руки дрожали. Его тело было готово к битве, в которой он мог померяться силами не только с этим испуганным его наглостью молодым человеком, а с покорившим его в зале борделя могуществом. Кэрель не осознавал, что ему хочется драться за Марио и Норбера. Подобно тому как, сражаясь с драконом, одновременно освобождают принцессу. Эта драка должна была стать своеобразным испытанием.

– Ты что, никогда не имел дела с моряками, а?

Никогда еще Кэрель не призывал к подобному свидетельству. Матросы, гордившиеся тем, что они матросы, и воодушевлявшиеся этим, всегда вызывали у него улыбку. Они напоминали ему дурачков, которые постоянно хорохорятся перед публикой, а кончают корси-канской тюрьмой. Никогда Кэрель еще не говорил: «Я парень с «Мстителя»» – или даже: «Я французский матрос». Но теперь, сделав это, он не почувствовал ни малейшего стыда, а только сильное облегчение:

– Давай, вали.

Обращаясь к этому типу, он произнес эти два слова, скривив рот и придав своей физиономии самое презрительное выражение, и так стоял, засунув руки в карманы, пока юноша не ретировался. После чего, с сознанием собственной силы и чувством еще большего ожесточения, он снова направился вниз по улице Сиам. Прибыв на борт, Кэрель тут же отвел душу. Стоило ему заметить на голове стоявшего у левого борта матроса берет, надетый точно

так же, как у него, как им овладел внезапный и сильный гнев. Заметив этот излом берета, изогнутую, как язык пламени, и касавшуюся ленты прядь, наконец эту ставшую теперь легендарной (как белый меховой чепчик Ваше, мифического убийцы пастухов) прическу, он почувствовал себя обворованным. Кэрель подошел и, холодно глядя прямо в глаза матроса, сухо бросил ему:

– Надень свой берет по-другому.

Матрос не понял. Ничего не понимающий и сильно испуганный, он, не двигаясь, смотрел на Кэреля. Кэрель рукой сбил берет на палубу, и, прежде чем матрос успел наклониться за ним, неожиданно и сильно ударил его кулаком в лицо.

Кэрель любил роскошь. Было бы естественно предположить, что он равнодушен к тому, что обычно волнует большинство, и прежде всего, что он гордится тем, что он француз и к тому же матрос, так как самец всегда преисполнен национального и военного тщеславия. Тем не менее, мы обратимся к некоторым событиям его молодости. Нельзя сказать, что эти события исчерпывающим образом объясняют характер нашего героя. Однако они позволяют несколько прояснить мотивацию его отклоняющегося от общепринятой нормы поведения. Начнем с самого характерного. Общаясь со шпаной, Кэрель прекрасно усвоил все ее повадки, к пятнадцати годам он вызывающе поводил плечами и, засунув руки глубоко в карманы, щеголял своими зауженными книзу брюками. Позже он стал ходить мелкими шагами, сжав ноги и задевая ляжкой за ляжку, но отставив руки от туловища, так, как будто им мешали слишком мощные мускулы рук и спины. И только после своего первого убийства он приобрел свою особую манеру держаться: он ходил, широко расставляя ноги и плавно пронося сжатые кулаки напряженных рук над шириной, не касаясь ее.

Это стремление обрести собственную манеру поведения наилучшим образом характеризует Кэреля, сразу же выделяет его из всей команды и невольно наводит на мысли о каком-то жутком дендизме. Ребенком он развлекался тем, что, писая, соревновался сам с собой, стараясь направить струю как можно выше и дальше. Однажды ночью в Кадисе неподалеку от борделя, из которого он только что вышел вместе со слегка пьяным, как и он, Виком, мы снова могли бы его застать писающим под окнами тюрьмы. Тогда они, расстегнув ширинки, сжимали в кулаках члены друг друга. Лицо Кэреля было выразительно. Лучше всего его можно было бы описать с помощью экспрессивной и гармоничной речи, какой является лирическая поэзия. Когда, приближаясь, Кэрель улыбался, на его щеках появлялись две маленькие ямочки. Грустная, немного двусмысленная улыбка предназначалась им скорее самому себе, чем тому, на кого он смотрел. Всякий раз, когда лейтенант Себлон рисовал его облик в своем воображении, он испытывал такое глубокое возбуждение, как будто в мужском хоре он видел мужественного, крепко стоящего на ногах, с сильными бедрами и шеей юношу, поющего своим низким мужским голосом гимны Святой Деве. Кэрель поражал своих товарищей. Он поражал их своей силой и крайней вульгарностью поведения. Они видели, что вызывают у него слабое раздражение, подобное тому, какое испытывает спящий, слышащий за москитной сеткой жужжание комара, остановленного тюлем и взволнованного этим непреодолимым и невидимым препятствием. Когда мы читаем: «Выражение его лица постепенно менялось: на смену суровости пришла нежность и ироничность, в его повадке чувствовался моряк, он стоял, широко расставив ноги. Этот убийца много путешествовал...» – мы знаем, что этот портрет Кампи, казненного 30 апреля 1884 года, был составлен уже после его смерти. Однако он точен, потому что сделан непосредственно тем, кто его видел. Товарищи же Кэреля могли бы сказать о нем: странный тип, от которого можно ждать чего угодно. Каждый день он появлялся среди них, отмеченный сиянием очередного скандала. Матрос нашего Военного флота наделен своеобразным простодушием, в основе которого лежит его благородная привязанность к оружию. Если бы он захотел все-

рбез заняться контрабандой или спекуляцией, у него бы это вряд ли получилось. Даже когда, преодолевая в себе отвращение и скуку, он решается на это, первая же его попытка, как правило, заканчивается неудачей. Кэрель же был не так прост. Ему незачем было бравировать своей силой – хулиганом он был всегда, – но он пользовался защитой французского флага для своих сомнительных авантюр. С юных лет он ходил к грузчикам и морякам торгового флота. Среди них он чувствовал себя как рыба в воде.

Кэрель шел, ни о чем не думая, с влажным и горячим лицом. Его тяготило ясное сознание того, что все его подвиги не имели никакого значения в глазах Марио и Ноно, не интересовавшихся никем, кроме самих себя. Подойдя к мосту Рекуванс, он спустился по ведущей к причалу лестнице. Тут, проходя мимо таможни, он подумал, что, пожалуй, слишком дешево отдает свои десять кило опиума.⁵ Но сейчас главное было «закинуть удочку». Он дошел до причала, к которому должен был подойти катер, перевозивший матросов и офицеров на борт стоящего на рейде «Мстителя». Он взглянул на часы: без десяти четыре. Катер прибывал через десять минут. Кэрель сделал еще сотню шагов, отчасти для того, чтобы согреться, а отчасти потому, что чувствовал необходимость успокоить свое волнение. Неожиданно он натолкнулся на стену, ограждавшую от моря ведущую к мосту дорогу. Из-за тумана Кэрель не мог разглядеть верха стены. Но по ее основанию, по углу ее наклона к земле, по размерам и массивности ее камней Кэрель догадался, что она очень высокая. Тошнота – правда, не такая сильная, как та, которую он чувствовал, стоя перед двумя мужчинами в борделе, – снова подступила к его горлу. Однако даже если его слегка чрезмерная физическая выносливость зависела от внезапного упадка сил, доказывая тем самым, что человек слаб, никогда Кэрель не осмелился бы сознаться в этой слабости, опершись, например, о стену, но тоскливое ощущение собственной заброшенности заставило его немного ссутулиться. Он отошел от стены и повернулся к ней спиной. Перед ним было скрытое туманом море.

– Странный парень, – подумал он, подняв брови.

Он размышлял, неподвижно расставив ноги. Его опущенный взгляд сквозь туман нащупал у его ног темные скользкие камни набережной. Не спеша и методично он разбирал в своем воображении характерные особенности внешности Марио. Его руки. Дугу – он хорошо рассмотрел ее, – что проходит от мизинца к концу указательного пальца. Толщину складок. Ширину плеч. Его безразличие. Белокурые волосы. Голубые глаза. Усы Норбера.

Круглый и лоснящийся череп. Опять Марио, красивого черного цвета ноготь на его мизинце, совсем как лакированный. Абсолютно черного цвета не бывает, и этот черный ноготь на конце его раздавленного мизинца напоминал цветок.

– Что вы здесь делаете?

Кэрель мгновенно отдал честь возникшему перед ним силуэту. Он с радостью приветствовал пронзивший туман строгий голос, как будто он исходил из какого-то теплого и светлого, покрытого золотом места.

– Меня п`слали в военно-морской округ, лейтенант.

Офицер подошел.

– Вы на берегу?

Кэрель остался стоять навтыжку, одновременно пытаясь спрятать под рукав свое запястье с золотыми часами.

– Вы вернетесь на следующем катере. Я хочу, чтобы вы отнесли приказ в управление.

Лейтенант Себлон нацарапал несколько слов на конверте, который протянул матросу. Он дал ему еще несколько сделанных подчеркнуто сухим тоном указаний. Кэрель слу-

⁵ Так в оригинале.

шал его. Временами улыбка приподнимала его подергивавшуюся верхнюю губу. Он был одновременно и удивлен неожиданным появлением офицера, и доволен этим появлением, особенно его радовало то, что здесь, где он только что пережил минутное отчаяние, он встретил лейтенанта, ординарцем которого он был.

– Ступайте.

Это было единственное слово, которое голос лейтенанта произнес с сожалением, без сухости, но не без скрытой силы, которую естественно придавали ему плотно сжатые губы. Кэрель едва заметно улыбнулся. Он отсалютовал и отправился к таможене, снова оказавшись на ведущей к дороге лестнице. Вмешательство лейтенанта, прежде чем он его узнал, вывело его из равновесия, разорвав опаловую оболочку, в которой, как ему казалось, он почти растворился. Оно разрушило созданный им за несколько минут кокон мечты, из которого он вытаскивал эту удивительную ниточку: свое очередное приключение в мире людей и вещей и драматическую развязку, которую он предчувствовал, как туберкулезник чувствует поднимающийся во рту вкус крови, смешанной со слюной. Тем не менее, Кэрель довольно быстро взял себя в руки. Прежде всего, это было необходимо, чтобы сохранить неприкосновенность той сферы, куда офицеры даже самых высоких чинов не имели права заглядывать. Кэрель не допускал в отношении к себе ни малейшей фамильярности. Лейтенант Себлон никогда не сделал ничего – что бы ни думал он сам по этому поводу – для того, чтобы установить между своим ординарцем и собой хоть какую-то близость; впрочем, отчуждение, которое стремился продемонстрировать лейтенант, было излишним, и его тяга к Кэрелю вызывала у матроса улыбку. Кроме того, эта неловкая близость смущала его. Вдруг он улыбнулся, так как голос лейтенанта немного его успокоил. Наконец-то предчувствие опасности, как прежде, расцвело на губах Кэреля. Он стащил часы из ящика стола в каюте, потому что считал лейтенанта надолго ушедшим по делам.

– Вернувшись, он забудет. Потом решит, что потерял, – подумал он.

Поднимаясь по лестнице, Кэрель провел рукой по железным перилам. Внезапно в его воображении опять всплыли те два парня из борделя. Марио и Норбер. Сука и легавый! Самое ужасное, если им взбредет в голову заложить его прямо сейчас. Может быть, полиция заставляет их вести двойную игру.

Эти два типа в воображении Кэреля стали раздуваться. Достигнув чудовищных размеров, они почти поглотили собой Кэреля. А таможня? Проскочить через таможню невозможно. Тошнота снова подступила к горлу. И исчезла вместе с позывом к икоте. Вдруг его осенило, и спокойствие, растекаясь по всему его телу, вернулось к нему. Он был спасен. Через несколько мгновений он уселся на последней ступеньке лестницы на краю дороги. Додумавшись до такого, можно было бы даже позволить себе немного поспать. С этого момента он старался четко формулировать свои мысли:

«Готово. Лучше не придумаешь. Нужен кто-нибудь (он уже решил для себя, что это будет Вик) – кто-нибудь, кто спустит веревку со стены. Я сваливаю с катера и остаюсь на причале. Туман довольно густой. Вместо шток сраже идти к таможене, я канаю к стене. Фраер уже наверху и с дороги бросает конец. Надо метров десять-двенадцать каната. Я привязываю сверток. В тумане меня не видно. Кореш тащит. Сверток у неё в руках. И легавые остаются с носом».

Он почувствовал глубокое успокоение. Он уже испытывал подобное необычное чувство у подножия одной из двух массивных башен, образующих ворота порта в Ля Рошели. Это было ощущение силы и бессилия одновременно. Довольство собой проистекало из сознания того, что эта высокая башня являлась символом мужественности, ибо, когда у подножия башни он раздвигал ноги, чтобы помочиться, она казалась ему продолжением его члена. Вечерами после кино, когда вместе с двумя или тремя своими товарищами он мочился около нее, он обменивался с ними шутками:

– Вот что подошло бы Жоржетте...

– Если бы у меня в штанах был такой же, все шлюхи в Ля Рошели были бы мои!

– Ты имеешь в виду этот лярошельский х...?

Но оставшись один, неважно, вечером или днем, он испытывал сильное волнение. Расстегивая и застегивая ширинку, его пальцы как бы бережно прикасались к сокровищу, к скрытой душе гигантского члена, этот каменный фаллос казался ему воплощением его собственной мужественности, но в то же время он готов был с покорностью смириться перед спокойным и несравненным могуществом неизвестного ему самца. Кэрель почувствовал, что способен в сохранности доставить груз опиума диковинному чудовищу, состоящему из двух прекрасных тел. «Только мне потребуется напарник. Без напарника мне не обойтись».

Кэрель смутно осознавал, что исход махинации зависит от напарника, и с удовлетворением чувствовал, как в нем, подобно едва зарождающейся заре, теплится догадка, что это будет Вик, – приобщив его к делу, он сумеет сравняться с Марио и Норбером. Хозяин внушал доверие. А тот другой, пожалуй, был слишком красив для легавого. У него были чересчур роскошные перстни.

«А я? А мои драгоценности? Если бы этот пижон их видел!»

Кэрель подумал сперва о спрятанных в каюте драгоценностях, потом о своей тяжелой и упругой мошонке, которую он каждый вечер ласкал и даже во время сна держал в ладони. Он вспомнил об украденных часах. И улыбнулся: это снова был прежний Кэрель, воспрянувший, расцветший и демонстрирующий нежную изнанку своих лепестков.

Рабочие сидели вокруг белого деревянного стола, стоявшего посреди барака, между двумя рядами кроватей. На столе дымились десять мисок с супом. Жиль медленно снял руку со спины разлегшейся у него на коленях кошки, потом снова опустил ее. Кошка частично оттягивала на себя мучившие его угрызения совести. Она успокаивала Жиль, как пиявка приносит облегчение больному. Жиль уклонился от драки с Тео, когда тот, вернувшись, стал насмехаться над ним. Он невольно выдал себя жалкими интонациями, ответив ему: «Не нужно так говорить». Обычно его ответы были сухими и резкими, почти грубыми, и Жилью стало стыдно от того, что теперь его слабый голос, как тень, распластался у ног Тео. Пытаясь успокоить свое самолюбие, он старался убедить сам себя в том, что просто не хочет связываться с придурками, но невольная дрожь, прозвучавшая в его речи, еще раз напомнила ему о его капитуляции. Остальные? Какое ему до них дело: плевать он хотел на остальных. С Тео все ясно. Тео – педик. Он здоровый и вспыльчивый, но он педик. С момента появления Жилья на стройке каменщик взял его под свою опеку, оказывая ему знаки необычного внимания. Он даже угощал его белым вином в кабаках Рекувранс. Но в дружеских похлопываниях стальной руки Жиль порой чувствовал на своей спине – невольно вздрагивая от этого ощущения – какую-то странную нежность. Как будто рука хотела подчинить его, чтобы приласкать. Впрочем, в последнее время Тео был в дурном расположении духа. Он понимал, что его молодость уходит. Иногда на стройке Жиль украдкой смотрел на него – и почти всегда ловил на себе взгляд Тео. Тео прекрасно работал, его всем ставили в пример. Прежде, чем положить камень в цементное ложе, он ласкал его руками, переворачивал, выбирая самую красивую сторону и придавая ему наиболее выгодное положение, чтобы он лучше смотрелся с фасада. Жиль снял руку с шерсти. Он осторожно поставил кошку у печки, на ковер из стружек. По этому жесту окружающие должны были понять утонченность его натуры. Ему хотелось подчеркнуть эту утонченность. Он стремился показать, что не заслужил подобного оскорбления. Он подошел к столу и сел на свое место. Тео сидел к нему спиной. Жиль видел, как его густая шевелюра свисает над белой фаянсовой миской. Он смеялся и разговаривал с приятелем. Отовсюду раздавалось громкое чавканье густым и горячим супом. Поужинав, Жиль

встал первым и, сняв свой свитер, торопливо стал мыть посуду. В расстегнутой на груди рубашке с закатанными выше локтей рукавами, с красным и мокрым от пара лицом и погруженными в жирную воду голыми руками он стал похож на молодую посудомойку из ресторана. Он чувствовал, что больше не является рабочим. На некоторое время он превратился в какое-то странное двуполое существо: юношу и служанку каменщиков. Чтобы ни у кого не возникло желания пощупать его или со скабрзным смехом похлопать по заднице, он старался делать как можно более резкие движения. Он вытащил из жирной и ставшей уже отвратительно теплой воды потрескавшиеся от цемента и гипса руки. Трещины на руках были забиты белым веществом и почти замазаны цементом, и ему стало жалко своих рабочих рук. Последние несколько дней Жиль чувствовал себя настолько униженным, что не мог позволить себе думать о Полетте. И даже о Роже. Он не мог думать о них с нежностью, потому что чувство его было запачкано унижением, к которому примешивалось что-то вроде тошнотворного испарения, отчего любая его мысль искажалась и разлагалась. Временами он даже начинал испытывать к Роже ненависть. Теперь ненависть находила в его душе благодатную почву, так как помогала забыть о пережитом унижении, загнать его в самый отдаленный уголок сознания, откуда оно, однако, продолжало периодически напоминать о себе с неотступной навязчивостью абсцесса. Жиль ненавидел Роже за то, что тот был причиной его унижения. Он ненавидел его смазливое личико, ставшее объектом злых шуток Тео. Он ненавидел его за то, что тот явился на стройку. Он улыбался ему в тот вечер, когда пел на столе, только потому, что один Роже знал, что это любимая песня Полетты, которую та часто напевала, и Жиль через него как бы обращался к его сестре:

Это веселый бандит,
Его ничто не тревожит...

Несколько каменщиков играли в карты на столе, освобожденном от мисок и белых фаянсовых тарелок. Вся печка была завалена посудой. Жиль хотел выйти помочиться, но, повернувшись, увидел Тео, который пересек комнату и уже открывал дверь, вероятно, направляясь туда же. Жиль остановился. Тео потянул дверь на себя. Он вышел в ночь и туман, одетый в рубашку цвета хаки и мягкие голубые штаны, сшитые из кусочков полотна разных оттенков: у Жилиа были точно такие же, он их обожал. Он стал раздеваться. Сняв рубашку, он остался в одной майке с обнаженными мускулистыми руками. Приспустив штаны и наклонившись, он увидел свои ляжки: они были плотные и крепкие, развитые занятиями велосипедным спортом и футболом, гладкие, как мрамор, и такие же твердые. Мысленно Жиль перевел взгляд со своих ляжек к животу и дальше к своей накачанной спине и рукам. Ему стало стыдно своей силы. Если бы они дрались «по правилам» (то есть без ударов, просто стараясь побороть друг друга) или «на кулачки» (ногами и ударами кулаков), он бы точно победил Тео, но у того была репутация бешеного. В отместку он мог тихонько подкрасться ночью и перерезать горло победителю. Благодаря этой репутации ему все сходило с рук. Жиль не хотел, чтобы ему перерезали горло. Он снял штаны и, стоя перед кроватью в красных трусах и майке, тихонько почесал свои ляжки. Он надеялся, что его товарищи, увидев его мускулы, поймут, что он отказался драться из великодушия, чтобы не связываться со стариком. Он лег. Прижавшись щекой к подушке, Жиль думал о Тео с отвращением, только усиливавшимся от сознания того, что в молодости Тео, наверное, был неотразим. Даже теперь, в зрелости, в нем чувствовалась сила. Его жесткое мужественное сохранившее чистоту линий лицо было изборождено многочисленными мелкими морщинками. Маленькие черные глаза зло блеснули, но иногда, особенно вечером, когда работа подходила к концу, Жиль порой замечал на себе их исполненный необыкновенной нежности взгляд. Тео, взяв немного мелкого песка, тер им руки, потом, разогнув спину, окидывал взглядом результаты

труда: выросшую стену, брошенные мастерки, доски, щетки и ведра. На все эти предметы – и на рабочих – медленно оседала серая пыль, превращавшая стройку в единый, созданный за этот день, заверченный объект. С завершением работы на опустевшей, припудренной серой пылью стройке воцарялся вечерний покой. Уставшие за день, с бесцельно опущенными руками каменщики, молча, неторопливыми и почти торжественными шагами покидали стройку. Им всем еще не было и сорока. Утомленные, с сумкой через левое плечо и правой рукой в кармане, они шли навстречу вечеру. Их брюки, придерживаемые ремнем вместо лямок, плохо держались, через каждые десять шагов они останавливались и подтягивали их спереди, засовывая под ремень, но сзади, где болтался треугольный вырез с двумя предназначенными для лямок пуговицами, они все равно провисали. В полном молчании каменщики возвращались к себе в бараки. До субботы никто из них не пойдет к девкам или в бистро, они будут спокойно отдыхать, лежа в кроватях и накапливая под простынями темные силы и белую жидкость, они будут спать на боку, без снов, вытянув вдоль кровати обнаженные с голубыми венами и запыленными запястьями руки. Тео всегда дожидался Жилия. Каждый вечер, перед уходом, он предлагал ему сигарету и с изменившимся взглядом хлопал его по плечу.

– Ну что, приятель? Как жизнь?

Жиль, как правило, с безразличным видом кивал головой и натянуто улыбался.

Жиль чувствовал, как его щека нагревается на подушке. Его глаза были широко открыты, и от нестерпимого желания выйти помочиться злоба его все росла. Края его век горели. Полученная пощечина может побудить вас выпрямиться, броситься вперед, дать ответную пощечину, ударить кулаком, подпрыгнуть, собраться, пуститься в пляс – иными словами, жить. Полученная пощечина может также заставить вас согнуться, покачнуться, упасть, умереть. Нам кажется достойным поведение, побуждающее к жизни, и отталкивающим – поведение, влекущее за собою смерть. Но самым прекрасным кажется нам поведение, дающее нам наибольшую полноту жизни. Полицейские, поэты, лакеи и священники существуют благодаря человеческой низости. В ней они черпают свои силы. Она бурлит в них. Она их питает.

– Полицейский – это такая же работа, как любая другая.

Отвечая так старому знакомому, который не без скрытого презрения спросил его, почему он пошел в полицию, Марио понимал, что лжет. Он презирал женщин, оттого что постоянно имел дело с проститутками. Юный Дэдэ и ненависть, которую он постоянно ощущал вокруг себя, придавали его службе в полиции некоторую значимость. Он стыдился ее. Он хотел бы от нее освободиться, но не мог. Хуже того, она уже проникла в его кровь. Он боялся, что она окончательно отравит его. Сперва незаметно, потом страстно он увлекся Дэдэ. Дэдэ был его противоядием. Он стал слабее ощущать в себе полицейского. Он стал меньше стыдиться этого. В его жилах текла не такая уж черная кровь, как казалось бандитам и озлобленному Тони.

Много ли в тюрьме Бужан очаровательных шпионок? Марио не переставал надеяться, что в конце концов ему подвернется дело о краже документов, представляющих интерес для службы государственной безопасности.

Марио сидел в комнате Дэдэ на улице Сен-Пьер, спустив ноги с кровати, покрытой голубым хлопчатобумажным покрывалом с бахромой, наброшенным прямо на смятые простыни. Дэдэ вспрыгнул на кровать и встал на колени рядом с неподвижной фигурой Марио. Полицейский не проронил ни слова. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Его неподвижный взгляд был сосредоточен на чем-то крайне важном, что находилось над висящим над камином зеркалом, над стеной и над городом. На его коленях, точнее, на той твердой и гладкой поверхности, которую представляют собой колени сидящего мужчины, ноги

которого слегка подогнуты, лежали обе его ладони. Никогда еще Дэдэ не видел его таким строгим, с таким суровым, напряженным, печальным лицом, которое из-за плотно, почти насильно сжатых губ казалось злым.

– Но что с того? Что случилось? Я пойду в порт, посмотрю... Я посмотрю, там он или нет... Ты что, не веришь?

Лицо Марио осталось неподвижным. Необыкновенный жар таинственным образом оживлял его: он был бледен, но черты его лица так напряжены, так четко обозначены и обрисованы, что казались освещенными бесконечностью звезд. Как будто вся жизненная энергия Марио из его икр, члена, торса, сердца, ануса, промежности, рук, локтей, шеи подступила к его лицу в отчаянном стремлении вырваться наружу, раствориться, рассыпаться искрами в ночи. Впадины на его щеках делали его подбородок еще более жестким. Брови были нахмурены, но из-за легкой выпуклости глазных яблок его веки вместе с носом составляли что-то вроде янтарной розочки. Совсем рядом с губами во рту Марио перекатывалась слюна, которую он не решался, был не в состоянии проглотить. Казалось, там, на кончике языка сконцентрировались весь его страх и вся его ненависть. Под совсем светлыми в это мгновение бровями его голубые глаза казались черными. Светлый оттенок бровей слегка поколебал глубокий покой Дэдэ. (А юноша был настолько же спокоен, насколько был взволнован его друг, как будто тот один очистил их души, вобрав в себя всю скопившуюся в них грязь, и это неожиданно подтвердившееся высшее предназначение полицейского делало его похожим на всех знаменитых героев – суровым, трагичным и слегка надменным. Дэдэ, казалось, чувствовал это и выражал свою признательность за очищение тем, что принимал его с грациозной простотой, как весеннюю благодать апрельских рощ.) Иными словами, просветленность бровей Марио беспокоила и взволновала юношу, ибо он видел, что эта просветленность несет в себе множество оттенков и сопутствует мрачному и суровому выражению лица. Светлый цвет только подчеркивал глубину его отчаяния. Эти светлые брови взволновали (мы употребляем здесь глагол «взволновать» в его самом прямом смысле – нарушить покой) – взволновали его до глубины души. И дело было не только в том, что из-за простого портового докера Марио грозила смертельная опасность, но и в том, что, даже проявляя сильное беспокойство, полицейский как бы давал ему понять, что на сохранившем проблески света лице друга он сможет еще когда-нибудь увидеть радость. Проблеск света на лице Марио в действительности был только ее тенью. Дэдэ положил свою обнаженную руку – в закатанной выше локтя рубашке – на плечо Марио и стал внимательно рассматривать его ухо. На какое-то мгновение его взгляд задержался на мягких, коротко подстриженных от затылка к виску, отливавших нежным шелком волосах. Он даже тихонько подул на ухо, чтобы убрать несколько упавших со лба светлых волосков подлиннее. Ни один мускул на лице Марио не дрогнул.

– Ну и дурацкий же у тебя вид! Ты что, думаешь, они тебе что-то могут сделать?

Он помолчал несколько секунд, как бы задумавшись, и добавил:

– Самое паршивое, что ты до сих пор их не арестовал. Почему же ты их не арестуешь?

Он слегка отклонился назад, чтобы лучше видеть профиль Марио, лицо и глаза которого оставались неподвижными. Марио ни о чем не думал. Он сидел с безразличным, отсутствующим выражением лица, которое передалось всему его телу. Только что Робер сообщил ему, что пятеро самых отчаянных докеров собираются его прикончить. Тони, которого он, по мнению брестской шпаны, арестовал незаконно, недавно вышел из бужанской тюрьмы.

– Ну что, ты думаешь, он может предпринять?

Не сдвигая колен с места, Дэдэ еще немного отклонился назад. Теперь его поза напоминала позу юного святого, упавшего у подножия дуба на колени перед видением, величие подобной милости как бы отбрасывало его назад, заставляя отстранить лицо от ослепляю-

щего, обжигающего его ресницы и зрачки видения. Он улыбнулся. Нежно обвил руками шею полицейского. И, бесшумно приблизившись, стал целовать его лицо, лоб, виски, глаза, кончик носа и губы, почти не касаясь их. Марио почувствовал, как его осыпало тысячей мгновенно приближавшихся и тут же удалявшихся от него горящих искр.

«Это как мимозы», – подумал он.

Его тело осталось неподвижным – руки застыли на коленях, член бессильно свисал, и только веки слегка дрожали. Однако эта неожиданная детская нежность тронула его. Он ощутил ее в тысяче едва заметных теплых прикосновений (их незавершенность причиняла боль) и, вобрав ее в себя, почувствовал в своем теле удивительную легкость. Дэдэ осыпал поцелуями скалу. Прикосновения стали еще слабее, не переставая улыбаться, мальчик отодвинулся и свистнул. Подражая птице, он стал водить своими сложенными в клюв губами по массивной, суровой голове Марио от глаз до губ и от затылка до ноздрей, насвистывая то как дрозд, то как иволга. Его глаза смеялись. Лесные птицы забавляли его. Ему нравилось воображать себя птицами, дарящими свое пение этой могучей, неподвижной, словно высеченной из камня голове. Дэдэ пытался приручить его, заворотив птичьим пением. Марио с грустью наблюдал перед собой нечто необычное: улыбку птицы. Он снова с облегчением подумал:

«Это как цветы мимозы».

Пение птиц покрылось легкой пылью. Марио казалось, что его обволакивает усеянной горошками тюлевой вуалью. Он снова углубился в себя, желая вновь погрузиться в ту область тумана и невинности, которая, быть может, и является преддверием рая. Даже тоска позволяла ему укрыться от врагов. Он был полицейским, легавым. Он имел право находиться с этим шестнадцатилетним сопляком в тесных заговорщических отношениях. Дэдэ хотел разглядеть на этом лице улыбку, которая бы притягивала к себе всех птиц: но скала оставалась неприступной, не хотела улыбаться, расцветать, покрываться гнездами. Марио окончательно замкнулся в себе. Он внимательно прислушивался к посвистыванию мальчишки, но сейчас он был – а Марио никогда не позволял себе расслабиться, потерять бдительность – настолько углублен в себя, пытаясь освободиться от охватившего его страха, что ему потребовалось бы слишком много времени, чтобы заставить хотя бы пошевелиться свои мускулы. Ему казалось, что за этой суровостью лица, за его бледностью и неподвижностью он может укрыться, как за дверями и крепостными стенами. Он скрывался за бастионами Полиции, был защищен их суровостью, которая на самом деле была всего лишь видимостью. Дэдэ быстро поцеловал его в угол рта и спрыгнул с кровати. Он стоял перед Марио и улыбался.

– Что с тобой? Ты заболел или влюбился?

Вопреки своему желанию, он никогда не осмеливался спать с Дэдэ, никогда, тем более что ему было хорошо известно – он и сам был когда-то таким – коварство детей, и никогда он не позволял себе в отношениях с ним ни одного двусмысленного жеста. Его начальство и сослуживцы знали о его делах с мальчишкой, который в их глазах был лишь ничтожной мошкой.

Дэдэ не ответил на иронию Марио, но его улыбка слегка искривилась, хотя и не исчезла совсем.

Его лицо порозовело.

– Ты как будто взволнован.

– Да нет, я не сделал тебе ничего плохого. Я поцеловал тебя просто по-товарищески. У тебя была такая физиономия. Мне хотелось тебя развеселить.

– Так что же, я и минуты не могу спокойно подумать?

– Ты был как каменный. А ведь еще точно неизвестно, собирается ли Тони тебя пришить.

Марио раздраженно дернулся. Его рот скривился.

– Ты случайно не думаешь, что я сдрейфил?

– Я этого не говорил.

Дэдэ не мог сдержать своего возмущения.

– Я этого не говорил.

Он стоял перед Марио. У него был хриплый, грубоватый, низкий голос с легким деревенским акцентом. Таким голосом хорошо говорить с лошадьми. Марио обернулся. Несколько секунд он рассматривал Дэдэ. Все сказанное им во время этой сцены сопровождалось жестким изгибом губ и бровей, которым он изо всех сил стремился продемонстрировать этому малолетке, что он, Марио Ламбер, инспектор транспортной бригады, сотрудник брестского комиссариата, не считает себя конченой личностью. Вот уже год как он завербовал Дэдэ и тот сообщал ему о тайной жизни порта: кражах, ограблениях кафе, хищениях железа и других материалов, – потому что окружающие ему доверяли.

– Ладно.

Дэдэ, надувшись, стоял перед ним, расставив ноги, отчего казался немного ниже ростом, и рассматривал полицейского. Вдруг, резко повернувшись на одной ноге – при этом ноги его, оставшись раздвинутыми, слегка напоминали стрелки компаса, – он подошел к окну, где на шпингалете висела его куртка, и так сгорбился, что, казалось, на его плечи внезапно опустилось все невидимое темное звездное небо. В первый раз Марио заметил, что Дэдэ окреп и уже превратился в настоящего маленького мужчину. Внезапно ему стало стыдно оттого, что он позволил Дэдэ заметить свой страх, но потом он быстро успокоился, оправдывая себя тем, что полицейскому позволительно любое поведение. Окно выходило на узкую улочку. Напротив, на другой стороне улицы, возвышались серая стена гаража. Дэдэ надел свою куртку. Когда он так же резко обернулся, Марио стоял перед ним, засунув руки в карманы.

– Ты все понял? Будь осторожнее. Я тебе уже говорил, пока еще никто не знает, что ты корешишься со мной, но важно, чтоб тебя не засекли.

– Будь спокоен, Марио.

Дэдэ оделся. Вокруг шеи он обмотал красный шерстяной шарф, а на голову надел маленькую серую кепочку, из тех, что так любит носить деревенская шпана. Из кармана куртки, где в беспорядке валялись сигареты, он вытащил одну и стремительно сунул ее в рот Марио, а потом еще одну – себе, и все это с серьезной миной, хотя ему и было смешно. Неожиданно строгим, почти торжественным жестом он натянул свои перчатки, бывшие символом его скудного богатства. Дэдэ любил, почти обожал эти засаленные штуковины, он никогда не позволял себе небрежно держать их в руке, но всегда бережно натягивал их. Он знал, что это – единственная деталь, позволяющая ему из бездны его добровольного морального падения прикоснуться к миру роскоши.

Размеренные жесты возвращали ему уверенность в себе. Он сам был удивлен, что решился на этот поцелуй и на всю предшествовавшую ему игру. Он стыдился своей оплошности. Никогда он не позволял себе по отношению к Марио – так же как и Марио по отношению к нему – никаких нежностей. Дэдэ был всегда серьезен. Он вполне серьезно собирал для полиции сведения и относил их каждую неделю в назначенное по телефону место. Первый раз в своей жизни он поддался игре воображения.

«Я же вроде ничего не пил», – подумал он.

Его серьезность была абсолютно естественна, и говоря об этом, мы имеем в виду то, что он никогда не стремился выглядеть серьезным. Напротив, он всегда старался изобразить некую легкомысленность. Никогда, например, он бы не осмелился ни на одну из шуток, которые по тысяче раз проделывают все шестнадцатилетние мальчишки: протянуть руку и отдернуть ее в момент, когда приятель собирается ее пожать, пошутить по поводу женской

груди, громко сказать «козел», встретив бородача, и т. д., но на этот раз он как бы перестал быть самим собой, и к его стыду примешивалось легкое чувство свободы. Он чиркнул спичкой и поднес огонек Марио с торжественностью, которая на мгновение заменила его незнание этикета. Марио был выше него, и юный хулиган незаметно приблизил к нему свое лицо, стыдливо затемненное тенью, падавшей от его руки.

– А что ты будешь теперь делать?

– Я?.. Ничего. Что я могу делать. Я буду ждать тебя.

Дэдэ снова взглянул на Марио. Он глядел на него несколько секунд, приоткрыв перекошенный рот. «У меня бледный рот», – промелькнуло у него в голове. Он затаился сигаретой и сказал: «Хорошо». Потом он повернулся к зеркалу и поправил кепку, немного сдвинув ее налево. В зеркале отражалась вся комната, в которой он уже прожил почти целый год. Комната была маленькая и холодная, на стенах висели вырезанные из газет фотографии боксеров и киноактрис. Единственной дорогой вещью была электрическая лампочка над диваном: с плафоном в форме тюльпана из бледно-розового стекла. В самом себе и вокруг себя Дэдэ ощущал присутствие отчаяния. Он не испытывал презрения к Марио из-за того, что тот боялся. Уже давно он понял, как трудно порой признаться в собственном страхе и сказать:

«Я трусился. Приссал, сдрейфил...»

Ему самому случалось убегать от опасного вооруженного противника. Он надеялся, что Марио примет вызов и сам при первом же удобном случае уберет вышедшего из тюрьмы докера. Помочь Марио означало для него спастись самому. А то, что тот трусился перед Тони, было вполне нормально. Этот здоровенный амбал способен был всерьез «завестись». И все же Дэдэ казалось немного странным, что Полиция дрожит перед хулиганом, и впервые он усомнился, а не состоит ли это невидимое идеальное могущество, призванное его защищать, из самых обычных слабых людей. Осознав, с легким надломом внутри, эту истину, он почувствовал, что ослаб, но одновременно – как это ни странно – и окреп. В первый раз в своей жизни он задумался, и это испугало его.

– Но шефу-то ты не сказал?

– Оставь это. Сказано тебе, что делать, ну и делай.

Марио немного боялся, что мальчишка может его подставить. Когда он отвечал ему, его голос невольно смягчился, но он успел взять себя в руки еще до того, как открыл рот, и ответил сухо. Дэдэ взглянул на ручные часы.

– Скоро четыре, – сказал он. – Уже темнеет. К тому же туман... за пять метров ничего не видно.

– Ну и чего же ты ждешь?

Внезапно голос Марио стал более жестким. Ведь главным тут был он. Он знал, что ему достаточно сделать в этой комнате два шага, и он неслышно очутится у зеркала, причешется и снова станет той могущественной, с костями и мускулами, радостной и молодой тенью, в которой его собственные очертания сливаются с очертаниями Дэдэ. (Иногда во время их встреч Дэдэ, глядя на него, с улыбкой говорил: «Мне так нравится, что я незаметно растворяюсь в тебе», – и в то же время его самолюбие восставало против этого поглощения. Иногда у него вырывался жест робкого возмущения, и тогда короткая командирская улыбка снова отодвигала его в тень Марио.) – Да.

Испытывая удовлетворение от резкости, на которую только он был способен, он жестко подчеркнул это слово. Застыв на мгновение в неподвижности, как бы стараясь продемонстрировать самому себе свою абсолютную независимость, выпустив немного дыма по направлению к окну, в которое он смотрел, и засунув одну руку в карман, Дэдэ резко повернулся к Марио и так же резко, глядя прямо ему в глаза, протянул негнущуюся, напряженную кисть руки.

– Пока.

Тон был мрачный. Марио ответил абсолютно спокойно:

– Пока, малыш. Не пропадай надолго.

– Ты не будешь хандрить, нет? Я бы хотел тебе помочь.

Он остановился у двери. Открыл ее. Какие-то тряпки, висевшие на вешалке у дверей, плавно и торжественно взлетели, а запах, доносившийся из выходивших на лестничную площадку уборных, заполнил комнату. Марио заметил это неожиданное великолепие всколыхнувшейся одежды. Слегка смутившись, он снова услышал свои слова:

– Не ломай комедию.

Он был тронут, но уже не мог остановить себя. Эта глубоко запрятанная чувствительность не столько по отношению к внешней красоте, сколько к ее выражению, называемому обычно поэзией, порой способна была на несколько секунд погрузить его в растерянность: докер прятал в пакгаузе чай и при этом так улыбался, что Марио, молча проходя мимо, невольно испытывал легкое замешательство, что-то вроде сожаления о том, что сам он не вор, а полицейский. Это замешательство длилось недолго. Не успевал он сделать и шага, чтобы уйти, как чудовищность собственного поведения его ужасала. Порядок, которому он служил, был непоправимо нарушен. Открывалась настоящая пропасть. Получалось, что он не трогал вора из эстетических соображений. В первое мгновение его обычная озлобленность была побеждена красотой докера, но стоило Марио это осознать, как он начинал испытывать ненависть к его красоте и арестовывал вора.

Дэдэ обернулся и уголком глаза послал Марио последнее «прощай», которое тот принял за выражение сочувствия его размышлениям. Как только дверь захлопнулась, он почувствовал, как все его мускулы обмякли, члены расслабились и все тело как бы плавно согнулось. Подобное ощущение он только что испытал, когда кокетничал с Марио; внезапно его охватила слабость, ибо ему захотелось – он даже согнул шею – призывно положить свою голову на крепкую ляжку Марио.

– Дэдэ!

Он открыл дверь.

– Ну что еще? Говори...

Марио подошел, посмотрел ему в глаза. И тихо прошептал:

– Я тебе доверяю, слышишь, малыш?

С изумлением в глазах, приоткрыв рот, Дэдэ смотрел на полицейского и не отвечал, сделав вид, что не понимает.

– Иди сюда...

Марио тихо повлек его в комнату и закрыл дверь.

– Ты, конечно, знаешь слишком много, это ясно. Но я тебе доверяю. Необходимо, чтобы больше никто не знал, что я здесь, в твоей комнате. Понял?

Полицейский положил свою большую, унизанную золотыми перстнями руку на плечо своего юного осведомителя и привлек его к себе:

– Уже давно мы работаем вместе, слышишь, шкет, но теперь тебе нужно быть особенно осторожным. Я на тебя надеюсь.

Он поцеловал его в висок и отпустил. Только два раза за все время их знакомства он употребил слово «шкет». Это слово как бы объединяло его со шпаной, но вместе с тем подчеркивало их тесные отношения. Дэдэ вышел. Он спустился по лестнице. Природная суровость позволила ему быстро прогнать замешательство. Он вышел на улицу. Марио слышал знакомый стук его легких, четких и решительных шагов по деревянным ступенькам грязного меблированного отеля. Всего в два шага – ведь комната была маленькая, а шаг у Марио, естественно, был широкий – он очутился у окна. Он отодвинул желтую от дыма и грязи занавеску из плотного тюля. Ему открылась узкая улочка и стена. Было темно. Тони стано-

вился все могущественнее. Любая тень, любой участок густого тумана, в который погружался Дэдэ, напоминали о нем.

Кэрель выпрыгнул из катера на причал. За ним – другие матросы, и Вик среди них. Они приплыли с «Мстителя». Катер должен был снова отвезти их на борт около 11 часов. Туман стал таким густым, что создавалось впечатление, что это день обрел свое материальное воплощение. Он охватил собой весь город и, казалось, будет длиться больше, чем 24 часа. Не сказав ни слова Кэрелю, Вик удалился в направлении таможенного поста, через который перед тем, как подняться по лестнице, ведущей к дороге, проходили все матросы, а причал, как уже было сказано, оставался внизу. Вместо того, чтобы следовать за Виком, Кэрель углубился в туман и направился к опорной, поддерживающей дорогу стене. Он немного подождал и с нежной улыбкой на губах пошел вдоль стены, ощупывая ее голой рукой. Внезапно его пальцы ощутили легкое прикосновение. Тогда он схватил конец веревки и привязал к нему пакет с опиумом, который находился у него под курткой. Он трижды тихонько дернул веревку, и она медленно поползла вверх по стене к тянувшему ее Вику.

Морской префект адмирал Д... де М... был крайне удивлен, когда на следующее утро ему сообщили, что молодому матросу кто-то перерезал горло на стене.

В компании Вика Кэреля никто никогда не видел. На корабле они не разговаривали совсем, только иногда обменивались парой слов. Вечером, спрятавшись за трубой, Кэрель ввел его в курс дела. После, догнав его на дороге, он забрал у матроса моток веревки и пакет опиума. Когда он уже почти догнал Вика и рукав из голубого холста жесткой тяжелой от сырости робы коснулся его, Кэрель всем своим телом ощутил присутствие убийства. Оно появилось незаметно, почти как любовное волнение, и, кажется, догнало их в пути или, скорее, даже явилось им навстречу. Чтобы избежать города и подчеркнуть необычность своего поведения, Кэрель решил идти по стене. Его голос дошел до Вика сквозь туман:

– Пошли там.

Они продолжили путь до замка (бывшей резиденции Анны Бретонской), потом прошли через площадь Дажо. Их никто не видел. Они закурили.

Кэрель улыбался.

– Ты ничего не растрепал, по крайней мере?

– Я же сказал, что нет. Я ведь не трахнутый.

Площадь была пуста. В общем-то, вряд ли кого-нибудь могли заинтересовать два матроса, которые собирались пройти через потайной ход в стене и погрузиться в мир превращенных туманом в призраки деревьев, кустов и засохших трав, в мир канав, грязи и ведущих в мокрый кустарник тропинок. Любой бы подумал, что они собрались к девкам.

– Пройдем с другой стороны. Видел? Обойдем укрепления.

Кэрель продолжал улыбаться. Он курил. По мере того как Вик шел, подчиняясь мерному и тяжелому ритму шагов Кэреля, по мере того как он втягивался в эту авантюру, в нем росло великое доверие к нему. Мощное и молчаливое присутствие Кэреля вселяло в него чувство уверенности, знакомое ему по совместным вооруженным вылазкам. Кэрель улыбался. Он позволял расцвести в себе этому так хорошо знакомому ему волнению, которое сейчас, в удобном месте, там, где деревья растут совсем близко друг от друга и туман еще непроницаемое, полностью подчинит его себе и, вытеснив последние признаки сознания и способность критически мыслить, придаст его телу силу и уверенность преступника. Он сказал:

– Мой братан взялся все обделать. На него можно положиться.

– Я и не знал, что твой брат в Бресте.

Кэрель замолчал. Его глаза, как бы обратившись внутрь, старались разглядеть в нем самом малейшие колебания волнения. Его улыбка исчезла. Легкие раздулись. Он умер. Он уже был ничем.

– Да, он в Бресте. Он в «Феерии».

– В «Феерии»? Шутишь! Что он там делает? «Феерия» – забавное местечко!

– Почему?

Уже ничего от Кэреля не осталось в его теле. Оно стало пустым. Напротив Вика уже, в сущности, никого не было: остался только убийца, окруженный в темноте несколькими деревьями, образующими что-то вроде комнаты или часовни, с тропинкой посередине. В пакете с опиумом были еще и драгоценности, которые они украли вместе с Виком.

– Д'че ты спрашиваешь? Ты ж знаешь не хуже меня?

– Ну да? Он трахает хозяйку.

Что-то от Кэреля снова промелькнуло в краях губ и пальцах убийцы. Эта скрытая тень Кэреля снова натолкнулась на лицо и фигуру Марио, поддерживаемого Норбером. Нужно было преодолеть стену, у подножия которой Кэрель бледнел и растворялся. Преодолеть или пройти сквозь нее. Пробить ее ударом плеча, обрушить.

«У меня тоже есть мои драгоценности», – подумал он.

Перстни и золотые браслеты будут принадлежать только ему. Их достаточно, чтобы он не чувствовал особых колебаний при исполнении священного акта. Кэрель стал уже лишь легким дуновением, привязанным к его губам, которое способно оторваться от тела, чтобы зацепиться за ближайшую колючую ветку.

«Драгоценности. Тот легавый просто усыпан драгоценностями. У меня тоже будут драгоценности.

Я не упущу такой удобный случай».

Он свободно мог покинуть свое тело, эту восхитительную подставку для его яиц. Он знал, как они весомы и прекрасны. Спокойно одной рукой он открыл в кармане своей робы складной нож.

– А хозяина там, по-моему, тоже нужно трахать.

– Ну и что? Кому что нравится.

– Черт возьми.

Вик казался слегка удрученным.

– Если бы он тебе предложил, ты бы согласился, а?

– Почему бы и нет, если предложат. Я делал кое-что и похуже.

Легкая улыбка снова появилась на губах Кэреля.

– Если бы ты только видел моего брата, ты бы сразу захотел. Ты бы ему не отказал.

– Мне было бы больно.

– Да брось ты.

Кэрель остановился.

– Покурим?

Дыхание, уже готовое исчезнуть, снова вернулось к нему, и он снова стал Кэрелем. Не шевельнув рукой, с застывшим, обращенным вовнутрь взглядом, он наблюдал, как сам он перекрестился. После этого знака, обычно предупреждающего публику, что акробат начинает свою смертельно опасную работу, Кэрель уже не мог отступать. Исполняя роль убийцы, нужно быть предельно внимательным. Не спугнуть матроса грубым движением, ведь, вероятно, Вик еще не привык, чтобы его убивали, и может закричать. Преступник тогда вынужден биться не на жизнь, а на смерть, кричать, колоть куда попало. В последний раз в Кадисе жертва запачкала воротник Кэреля. Кэрель повернулся к Вику. И оттого, что у него под мышкой был сверток, неловким движением руки протянул ему сигарету и спички.

– На, зажги, сначала зажги.

Чтобы защититься от ветра, Вик повернулся к нему спиной.

– А ты бы ему приглянулся, у тебя смазливая мордашка. Если бы ты ему пососал, так, как ты сосешь сигарету, он бы наверняка словил кайф!

Вик выпустил дым. И протягивая Кэрелю зажженную сигарету, ответил:

– Да, но вряд ли ему представится такой шанс.

Кэрель хихикнул.

– Ну а я? У меня тоже нет шанса?

– Да пошел ты...

Вик хотел было идти дальше, но Кэрель удержал его, вытянув ногу. Зажав в зубах сигарету, он сказал:

– Ну? Послушай...Послушай, я ведь не хуже Марио?

– Какого Марио?

– Какого Марио? Благодаря тебе я пройду сквозь стену, разве нет?

– Что? Что ты несешь?

– Так ты не хочешь?

– Ну, не хорохорься...

Вик не кончил фразы. Кэрель мгновенно сжал ему горло, уронив пакет, который упал на тропинку. Ослабив объятия, он так же стремительно достал из кармана уже открытый нож и перерезал матросу сонную артерию. Ворот рубы у Вика был поднят и кровь не брызнула на Кэреля, а потекла по одежде, на куртку. Вытаращив глаза, умирающий пошатнулся и, погрузившись в почти сладострастное состояние, сделал рукой очень грациозный жест, вдруг воссоздав в этом туманном пейзаже уютную атмосферу комнаты, где произошло убийство армянина, о котором и напомнил жест Вика. Кэрель с силой удержал его за левую руку и тихонько уложил на придорожную траву, где он испустил дух.

Убийца выпрямился. Он был субъектом мира, в котором опасности не существовало, потому что он сам являл ее. Прекрасным, незыблемым и непостижимым субъектом, в глубине, в гулкой пустоте которого Кэрель слышал, как разворачивается, шумит, обволакивает и защищает его исходящая от него опасность. Мертвец, вероятно, был еще теплый. Вик еще не был мертвецом. Он был молодым человеком, которого этот необычный субъект, такой гулкий и пустой, с темным приоткрытым ртом, запавшими суровыми глазами и влажными волосами, в окаменевших одеждах, с коленями, покрытыми, наверное, шерстью, густой и курчавой, как борода ассирийца, – которого этот субъект с ускользящими окутанными туманом пальцами только что убил. Слабое дыхание, в которое перешел сам Кэрель, повисло на колючей ветке акации. Оно беспокойно ожидало. Убийца два раза быстро по-боксерски всхлипнул и тихо пошевелил губами, через которые только что снова вошел в его рот Кэрель: он поднялся к глазам, спустился к пальцам, заполнил собой все тело. Кэрель осторожно повернул голову, оставив верхнюю часть туловища неподвижной. Он ничего не услышал. Он наклонился, вырвал пучок травы и вытер нож. На мгновение ему показалось, что он перебирает клубнику в свежей сметане и погружает в нее пальцы. Он оперся на свое колено и выпрямился, бросил горсть окровавленной травы на мертвеца, нагнувшись еще раз, подобрал пакет опиума и уже один пустился в путь под деревьями. Существует заблуждение, что преступник в момент преступления верит, что его никогда не поймают. Конечно, возможно, что он и не способен точно представить себе все ужасающие последствия своего поступка, тем не менее он прекрасно отдает себе отчет в том, что этот поступок приговаривает его к смерти. Слово «анализ» кажется нам не очень удачным. Можно попытаться вскрыть механизм этого самоприговора другим способом. Кэрель представляется нам чем-то вроде отчаянного нравственного самоубийцы.

Неспособный в действительности узнать, будет ли он арестован, преступник живет в постоянном страхе, от которого можно избавиться только отрицанием своего поступка,

его искуплением. То есть еще и приговором самому себе (потому что, кажется, именно невозможность признания в убийстве вызывает панический, метафизический или религиозный страх у преступника). Кэрель стоял в глубине рва у подножия крепостной стены, прислонившись спиной к дереву, окруженный туманом и тьмой. Он снова спрятал нож в карман. Свой берет он держал двумя руками перед собой на уровне пояса, помпоном к животу. Он не улыбался. Он уже видел себя перед судом присяжных, который он представлял себе после каждого убийства. С момента преступления Кэрель ощущал на своем плече тяжелую руку воображаемого полицейского и, от трупа до скрытого от посторонних глаз места, шел, сгибаясь под тяжестью своей необычной судьбы. Пройдя сотню метров, он сошел с тропинки и скрылся среди деревьев и колючих кустов во рву, у подножия окружающей город крепостной стены. У него был испуганный взгляд и тяжелая походка арестованного, но в глубине души таилась уверенность – бесстыдно свидетельствовавшая о его близости с полицейским, – что он герой. Местность была пологой, поросшей колючим кустарником.

«Прощай, маманя, – промелькнуло у него. И почти сразу же: – Ну что, вздрогнула фразерская душа!»

Достигнув дна рва, Кэрель на мгновение застыл. Легкий ветерок шелестел острыми концами сухих и жестких трав. Странная легкость этого шума делала ситуацию еще более необычной. Он шел в тумане в направлении, противоположном месту преступления. Трава под ветром нежно шелестела, так же тихо, как дыхание в ноздре атлета или походка акробата. Одетый в светлую майку из голубого шелка, Кэрель медленно продвигался вперед, лазурное трико было стянуто по талии кожаным поясом со стальными заклепками. Он ощущал в себе молчаливое присутствие всех своих мускулов, которые, согласуясь между собой, возводили статую из зыбкой тишины. По обе стороны от него шли два невидимых величественных и дружественных полицейских, исполненных нежности и ненависти к своей добыче. Кэрель прошел в тумане еще несколько метров, трава все шелестела. Ему хотелось найти какое-нибудь спокойное, уединенное, как келья, место, отдаленное и торжественное, пригодное для того, чтобы стать местом суда.

«Только бы не вышли на мой след», – подумал он.

Он пожалел, что, возвращаясь, не выпрямлял примятой им травы. Но, быстро осознав абсурдность своих страхов, он, тем не менее, подумал, что его шаги были достаточно легки и каждый стебель травы умно поднимется сам собой. В конце концов, тело найдут только к утру. Не раньше, чем рабочие отправятся на свою работу: именно они всегда обнаруживают следы преступлений, оставленные на дорогах. Туман ему не мешал. В нос ударял запах болота. Распростертые руки зловония сомкнулись над ним. Кэрель все время шел вперед. В какое-то мгновение он испугался, что может наткнуться на влюбленную пару под деревом, но в такое время это было маловероятно. Ветви и трава были сырыми, и пространство, все заполненное паутинками с висящими на них капельками, увлажняло по дороге лицо Кэреля. В течение нескольких секунд убийца, как зачарованный, глядел на волшебном-нежный лес, опутанный лианами, которые позолотило в полумраке таинственное солнце, поднимавшееся из воздушной утробы, слепящая голубизна которой, казалось, излучала свет всех пробуждений. Наконец Кэрель очутился у дерева с огромным стволом. Он подошел к нему, осторожно обошел вокруг и, облокотившись на него, повернулся спиной к месту убийства, где находился труп. Он снял свой берет и взял его так, как мы уже описали выше. Он чувствовал над собой чудесный беспорядок темных ветвей и тонких лоскутков тумана и держал его перед собой, как привязной баллон. В его сознании уже четко вырисовывались все детали обвинительного заключения. В тишине душевной, переполненной глазами, ушами и дымящимися ртами комнаты Кэрель отчетливо различил бесстрастный, приглушенный и от этого еще более мстительный голос Прокурора:

– Вы зарезали своего соучастника. Причины этого убийства слишком ясны... (Здесь голос Прокурора, и сам Прокурор расплылся. Кэрель отказывался видеть эти причины, ему не хотелось думать о них, копаться в самом себе. Он слегка отвлекся от процесса. И еще сильнее прижался к дереву. Все великолепие этой церемонии снова явилось ему, когда он представил себе, как встает Прокурор.)

– Мы требуем голову этого человека! Кровь за кровь!

Кэрель находился в следственном изоляторе. Прижавшись к дереву, он продолжал извлекать из себя новые детали процесса, на котором решался вопрос о его жизни. Ему было хорошо. Он чувствовал себя под защитой дерева, которое сплетало над его головой свои ветви. Кэрель слышал, как где-то вдали перекликаются лягушки, но в основном кругом было так тихо, что к его страху перед трибуналом невольно добавилась тоска от одиночества и безмолвия. Поскольку в основе всего лежало убийство (абсолютная тишина, тишина столь почитаемой Кэрелем смерти), вокруг него были натянуты (можно даже сказать, из него исходили натянутые и нематериальные нити смерти) сети тишины, которыми он был опутан. Он еще сильнее углубился в свое видение. Он сделал его еще более отчетливым. Он как будто был там, и одновременно его там не было. Он присутствовал при вынесении приговора в зале суда. Он следил за процессом и руководил им. Время от времени это затянувшееся мечтание прерывала заземленная и ясная мысль: «Не осталось ли на мне пятен?» – или: «А вдруг кто-то пройдет по дороге?», – но легкая улыбка, рождающаяся на его губах, прогоняла страх. Однако не следует слишком доверяться открытости улыбки, ее власти рассеивать сумерки: улыбка способна вызвать страх; сперва на ваших обнаженных зубах появится зародыш чудовища, пасть которого будет иметь точную форму улыбки на ваших губах, потом чудовище разовьется в вас, сольется с вами, и будет в вас жить, и, наконец, станет еще более пугающим, превратится в рожденный от улыбки в темноте призрак. Кэрель улыбнулся. Дерево и туман защищали его от темноты и мести. Он вернулся к судебному заседанию. У подножия этого дерева он чувствовал себя монархом, он приказывал своему воображаемому двойнику изображать испуг, несогласие, доверие, страх, дрожь и трепет. Ему помогали воспоминания из прочитанного. Судебное заседание необходимо было прервать. Встал его адвокат. Кэрелю захотелось на минуту потерять сознание, раствориться в гуле, звучащем в его ушах. Нужно было оттянуть завершение процесса. Наконец Суд вернулся. Кэрель почувствовал, как он бледнеет.

– Суд приговаривает вас к смертной казни.

Вокруг него все померкло. Он сам и деревья уменьшились и его охватило удивление от осознания того, что он оказался бледен и слаб перед этим новым приключением, удивление, подобное тому, какое испытали мы, когда увидели, что Вейдман между двумя полицейскими оказался совсем не гигантом, лоб которого задевает верхние ветви кедров, а обычным застенчивым молодым человеком с мертвенно-бледным, немного восковым цветом лица, ростом один метр семьдесят сантиметров. В этот момент Кэрель почувствовал ужасное страдание от сознания того, что он живет, и услышал гул в ушах. Его отношение к собственным страданиям можно лучше понять, если описать то, что он испытал однажды перед лицом смерти: могильщики выкопали тело его матери, чтобы перезахоронить в другом районе кладбища, а Кэрель пришел слишком рано и оказался один перед гробом, который рабочие уже вытащили из ямы. Трава была мокрая, земля жирная, было довольно холодно. Кэрель слушал пение птиц, сидя на гробе, в котором гнила его мать. Запах, исходивший из щелей между досками, не мешал ему. Он естественно смешивался с запахом травы, вырытой земли и мокрых цветов. Ребенок впервые столкнулся с таким благородным явлением, как разложение обожаемого тела. Это было страдание, исходившее из самого себя и вписывавшееся в естественный порядок мира.

Он вздрогнул. Его плечи, бедра и ноги немного замерзли. Он стоял у подножия дерева, защищенный униформой из полотна и твердым воротом бушлата, с беретом в руках и паке-том опиума под мышкой. Он надел свой берет. Смутное чувство подсказывало ему, что это еще не конец. Оставалось исполнить последнюю формальность казни.

«Меня нужно казнить, ну что ж!»

Теперь мы можем понять, почему известный преступник сразу после ареста, который ничто вроде бы реально не предвещало, говорит судье: «Я чувствовал, что меня вот-вот схватят...» Кэрель встряхнулся, прошел немного вперед, и, помогая себе руками, поднялся на покрытую травой лужайку. Ветви касались его щек и рук: он почувствовал глубокую грусть, ностальгию по материнским рукам, оттого что эти колючие ветви были нежными и бархатистыми, на них осел туман, и они напоминали ему нежное свечение женской груди. Несколько секунд спустя он был уже на узкой тропинке, потом на дороге и входил в город через ворота, но другие, не те, из которых он недавно вышел с приятелем. Рядом с ним кого-то не хватало.

– Забавно, когда ты совсем один.

Он слабо улыбнулся. Он оставил позади себя, в тумане, нечто необычное, лежащее на траве, комочек покоя и темноты, в лучах невидимого и нежного рассвета, нечто священное или проклятое, застывшее у подножия стены в ожидании разрешения войти в город после искупления и предварительного очищения. Он знал, что у трупа должно было быть бесцветное лицо, с которого стерты все морщины. Шагами длинными и упругими, своей немного раскачивающейся развязной походкой, из-за которой люди, даже не знавшие его, говорили о нем: «Этому парню на все наплевать», – Кэрель, совсем уже успокоившись, направился к «Феерии».

Мы представили это приключение как бы в замедленном виде. Мы не ставили перед собой цели испугать читателя, но хотели сделать это убийство как можно более живописным. Более того, этот же прием мы собираемся использовать, чтобы показать удивительные деформации тела и души нашего героя. Во всяком случае, чтобы не слишком надоедать читателю и учитывая то, что каждый в минуту отчаяния сам может проследить, как зарождается в его душе сложная и противоречивая идея убийства, мы от многого отказались. Нет ничего проще, чем заставить убийцу предстать перед своим братом. Вынудить его собственного брата убить его. Или заставить его самого убить или приговорить своего брата. Есть множество тем, из которых можно сплести отвратительный узор! Мы также не стали углубляться в тайные и непристойные предсмертные жертвы. Вик или Кэрель – у нас был выбор. Предоставим читателю самому догадываться обо всем этом. Однако следует помнить: Кэрель после своего первого убийства почувствовал, что он умер, то есть погрузился в глубинную сферу – точнее, в глубину гроба, – и, бродя вокруг обычных могил на обычном кладбище, он размышлял о будничной жизни живых, которые казались ему теперь странно бесчувственными, потому что он перестал понимать мотивы их поведения, их сущность, не ощущал больше биения их сердца. Его человеческая форма – то, что зовется плотской оболочкой, – продолжала тем временем существовать на поверхности земли, среди бесчувственных людей. И тогда Кэрель совершил новое убийство. Никакой поступок не казался ему совершенным, кроме такого, который способен был бы оправдать человеческую бесчувственность, так же как совершаемое им преступление. В действиях каждого преступника Кэрель замечал какую-нибудь деталь, которая, как видел только он, была ошибкой, способной его погубить. Жизнь среди собственных ошибок придавала ему ощущение легкости и крайней нестабильности, отчего казалось, что он порхает с одной сгибающейся тростинки на другую.

С появлением городских огней на лицо Кэреля снова вернулась его обычная улыбка. Когда он вошел в большую залу борделя, он уже был крепким, с ясным взглядом матросом, который просто гулял на берегу. Несколько секунд он в одиночестве потоптался среди танцующих, но к нему уже приближалась женщина. Это была высокая тощая блондинка, на ней было черное тюлевое платье, стянутое на уровне лобка – одновременно закрывая и подчеркивая его – треугольником из черного меха с длинным ворсом, без сомнения из кролика, правда потертого и местами совсем облысевшего. Кэрель, глядя девице в глаза, легонько погладил мех, но подняться к ней отказался.

Вручив Ноно свой сверток с опиумом и получив за это пять тысяч франков, Кэрель понял, что настало время «привести приговор в исполнение».

Казнь должна была быть суровой. Если бы естественный ход событий не привел Кэреля в «Феерию», не приходится сомневаться, что убийца тайно устроил бы для себя какой-нибудь другой жертвенный обряд. Он продолжал улыбаться, глядя на массивный затылок содержателя публичного дома, согнувшегося над диваном, чтобы лучше рассмотреть опиум. Он рассматривал его слегка оттопыренные уши, лысый блестящий череп и мощную спину, а когда Норбер снова распрямился, перед Кэрелем предстало скуластое мясистое лицо с крепкой челюстью и сплюснутым носом. Все в этом человеке, которому уже перевалило за сорок, производило впечатление грубой силы. У него было волосатое, возможно, татуированное и наверняка сильно пахнущее потом тело борца. «Это будет суровое наказание».

– Послушай! Чего тебе нужно? Зачем тебе хозяйка? Объясни.

Кэрель перестал улыбаться, чтобы продемонстрировать, что серьезно относится к вопросу, и чтобы сопроводить свой ответ улыбкой, на которую только он был способен, и которая только и могла сделать его ответ безобидным. Он со смехом развязно тряхнул головой и ответил так, что это могло бы задеть кого угодно, только не Ноно:

– Ну, она мне нравится.

С этого мгновения лицо Кэреля покорило Норбера. Это был уже не первый смысленный парнишка, который требовал хозяйку, чтобы переспать с хозяином. Теперь оставалось только обговорить детали.

– Ну давай.

Он достал кубик из кармана своей куртки.

– Ну что, ты не передумал? Я бросаю?

– Давай.

Норбер присел и бросил на пол. Ему выпало пять. Кэрель поднял кубик. Он был уверен в своей ловкости. Натренированный глаз Ноно заметил, что Кэрель пытается словить, но прежде, чем он успел вмешаться, цифра «два» была почти победоносно выкрикнута матросом. На мгновение Норбер застыл в нерешительности. Может, это шутка? Или... Сперва он было подумал, что Кэрель действительно хотел попробовать любовницу брата. Это мошенничество доказывало обратное. А парень совсем не похож на педика. Однако он был взволнован тем, как легко далась ему эта добыча. Поднявшись, он слегка пожал плечами и хмыкнул. Кэрель тоже встал. Он осмотрелся вокруг и весело улыбнулся от внутреннего сознания того, что идет на мучения. Он шел на это с отчаянием в душе, но и с глубоким внутренним убеждением, что это наказание необходимо ему для жизни. Во что он превратится? В педика. Он подумал об этом с ужасом. А что это такое, педик? Из какого теста это сделано? Что за этим стоит? Каким новым чудовищем ты становишься, и каково ощущение этой чудовищности? «Это» – все равно, что сдать полицию. Он вспомнил легавого, и его красота поставила все на свои места. Иногда бывает, что какая-нибудь незначительная мелочь оказывает влияние на ход всей вашей жизни, так было и на сей раз.

«Целоваться не будем», – подумал он. И еще: «Я подставляю свою задницу, только и всего». Последняя мысль вызвала у него такую же реакцию, как если бы он подумал: «Я подставляю свою рожу».

Насколько изменится его тело? Охватившее его отчаяние слегка смягчилось сознанием того, что это наказание смоем с него убийство, которое он так и не смог до конца переварить. Наконец, он был просто обязан заплатить за этот праздник, за это торжество, каковым всегда является соприкосновение со смертью. Всякое соприкосновение со смертью – это грязь, от которой нужно отмыться. И отмыться так тщательно, чтобы от тебя самого ничего не осталось. И снова возродиться. Но, чтобы возродиться, сначала нужно умереть. Потом ему уже никто не будет страшен. Несомненно, полиция может еще его схватить, перерезать глотку: значит, просто следует вести себя осторожнее, чтобы не выдать себя, но фантастическому трибуналу, существовавшему только в его воображении, Кэрель должен был представить доказательства того, что убийца наказан. Сумеет ли брошенный труп войти в город через ворота? Кэрель слышал, как это окоченевшее, плотно закутанное в мантию тумана длинное тело жалуется, едва слышно напевая изысканную мелодию. Это жаловался труп Вика. Он требовал для себя почестей, похорон и погребения. Норбер повернул ключ и оставил его в дверях. Это был большой, блестящий, отражавшийся в дверном зеркале ключ.

– Снимай штаны.

Слова хозяина прозвучали бесстрастно. Он уже расстегивал свою ширинку. С парнем, который специально смухлевал, чтобы его трахнули, ему все было ясно. Кэрель все еще стоял, расставив ноги, посередине зала и не шевелился. Женщины его никогда не волновали. Иногда ночью в гамаке он брал в руку свой член, ласкал его и тихонько кончал. Он даже не старался представить себе что-либо определенное. Твердости члена в руке было вполне достаточно, чтобы возбудить его, и в момент оргазма его рот кривился так сильно, что он чувствовал боль в лице и боялся, что так и останется навсегда с перекошенным ртом. Он смотрел, как Ноно расстегивает свои штаны. На протяжении всей этой молчаливой сцены глаза Кэреля не отрывались от пальцев хозяина, с трудом вытаскивавших пуговицы из петель.

– Ну что, ты решил?

Кэрель улыбнулся. И начал машинально расстегивать свои форменные брюки. Он сказал:

– Ты поосторожней, а? Кажется, это не так уж приятно.

– Ну давай, ведь не целочка же, небось.

Голос Норбера был глухим и злобным. На мгновение все тело Кэреля напряглось от негодования, оно стало прекрасным, шея выпрямилась, плечи неподвижно застыли, трепещущие узкие бедра и маленькие сжатые ягодички (которые из-за того, что ноги были расставлены, казались слегка приподнятыми) подчеркивали общее впечатление жесткости. Расстегнутые брюки болтались на его бедрах, как детский передник. Глаза его блеснули.

Все лицо и даже волосы излучали ненависть.

– Слышь, приятель, я ж те сказал, что это в первый раз. Не выводи меня из себя.

Внезапная резкость этого голоса подхлестнула Норбера. Его готовые к разрядке борцовские мускулы напряглись, и он так же резко ответил:

– Послушай, не вколачивай мне баки. Со мной это не пройдет. Ты что, меня за фраера держишь? Я же заметил, как ты прогнал фуфло.

И всей своей массой, охваченный негодованием от сознания того, что его обманывают, он вплотную приблизился к Кэрелю, так что их тела полностью, с головы до ног соприкоснулись. Кэрель не отступил. Голосом еще более низким и отчужденным Норбер добавил:

– Ну хватит уже. Ты что, не хочешь? Ведь ты же сам напросился. Вставай раком.

Такого приказа Кэрелю еще никто никогда не отдавал. И хотя приказ исходил не от старшего по званию, он должен был подчиниться этому силовому натиску и согнуться.

Ему захотелось подражаться. Мускулы его тела, руки, бедра, икры ног были наготове, напряжены, сжаты, взведены, он поднялся на цыпочки. И почти у самых зубов Норбера, дыша ему прямо в рот, Кэрель произнес:

– Ты ошибаешься. Я хочу твою жену.

– Посвисти еще.

Пытаясь повернуть его, Норбер схватил его за плечи. Кэрель попытался его оттолкнуть, но в это мгновение его расстегнутые штаны немного соскользнули. Чтобы не дать им окончательно упасть, он еще шире расставил ноги. Оба мужчины смотрели друг на друга. Матрос знал, что, несмотря на атлетическое сложение Норбера, он все равно сильнее него. Тем не менее, он поднял штаны и немного отступил. Мускулы его лица обмякли. Он сдвинул брови и, наморщив лоб, смиренно кивнул головой.

– Хорошо.

Двое мужчин, продолжая стоять лицом к лицу, вдруг отступили и одновременно заложили руки за спину. Необычная синхронность этого движения поразила их обоих. В нем заключался элемент согласия. Кэрель нежно улыбнулся.

– Ты был матросом.

Норбер шмыгнул носом и ответил с гордостью, голосом, в котором еще слышались злобные нотки: – Солдат африканских дисциплинарных войск.

Только теперь Кэрель до конца почувствовал главную особенность голоса хозяина. Он был несигаем. Казалось, что он опирается на выходящую из рта мраморную колонну. Именно этот голос и заставил Кэреля подчиниться.

– А?

– Солдат африканских дисциплинарных войск.

Батальонов, если так тебе больше нравится.

Их руки одернули пояса и портупей, которые матросы из практических соображений обычно застегивают на спине – например, для того, чтобы избежать вздутия на животе под плотно облегающей курткой. Определенного рода пижоны, следуя моде на все морское и матросскую униформу, позаимствовали теперь эту манеру. Какая-то расслабляющая нежность разлилась по телу Кэреля. Хозяин происходил оттуда же, что и он. Из тех же самых строгих, наполненных благоволениями таинственных замков, а эта сцена будет для него чем-то вроде продолжения обычных под палатками африканских батальонов приключений, о которых, встретившись в штатском, стараются не вспоминать. Наконец все было сказано. Кэрель должен был подвергнуться наказанию. Он смирился.

– Давай на кровать.

Гнев спал, как морской ветер. Голос Норбера стал ровным. Ответив «Хорошо», Кэрель почувствовал, что у него встает. Он уже полностью вытащил из тренчиков кожаный пояс и держал его в руке. Его брюки соскользнули ему на икры, обнажив колени и образовав на ковре что-то вроде густой массы, в которой увязали его ноги.

– Давай. Поворачивайся. Это недолго.

Кэрель отвернулся. Ему не хотелось видеть член Норбера. Он наклонился, опершись кулаками – в одном был зажат пояс – о край дивана. Расстегнувшись, Норбер в одиночестве застыл перед ягодицами Кэреля. Спокойным и легким движением он освободил свой отвердевший член из коротких кальсон и на мгновение, как бы взвешивая, задержал его в ладони. Он заметил, как его отражение многократно дробится в висевших в комнате зеркалах. Он был силен. И он был здесь хозяином. В зале стояла полная тишина. Норбер освободил яйца и, на секунду отпустив член, коснулся им своего живота, а потом, не спеша подавшись вперед, положил на него руку, как бы опираясь о гибкую ветвь, – ему показалось, что он опирается сам о себя. Кэрель ждал, опустив свою налившуюся кровью голову. Норбер взглянул на ягодицы матроса: они были маленькие, твердые, круглые, сухие и все покры-

тые густой коричневой шерстью, которая росла и на бедрах – но не так густо, – и в начале спины, под торчащей из приподнятой рубы майкой. Рисунки, на которых изогнутыми линиями изображены женские бедра, – вроде рисунков на разноцветных старинных подвязках для чулок: этот образ кажется нам наиболее подходящим для того, чтобы передать впечатление от обнаженных бедер Кэреля. Плавные линии, подчеркивающие поры нежной кожи, и завитки грязноватых серых волос делают их вид особенно непристойным. Вся чудовищность мужской любви заключается именно в этой обрамленной курткой и приспущенными брюками обнаженной части тела. Норбер послунывил палец и смазал свой член.

– Вот так ты мне больше нравишься.

Кэрель не ответил. Запах опиума, лежавшего на кровати, вызывал у него тошноту. А член уже делал свое дело. Он вспомнил задушенного им в Бейруте армянина, который был нежен и хрупок, как медяница или птица. Кэрель спросил себя, не нуждается ли палач в ласке. Поскольку он ко всему относился серьезно, ему захотелось быть таким же нежным, как убитый им педик.

«Все же тот фраерок выдумывал для меня такие забавные кликухи. И он был так нежен со мной», – подумал он.

Но как продемонстрировать свою нежность? Какие для этого нужны ласки? Его железные мускулы оставались тверды и неподвижны. Норбер давил его своей тяжестью. Он проник в него спокойно, до самого основания своего члена, так что его живот коснулся ягодиц Кэреля, которого он властным и могучим движением внезапно прижал к себе, пропустив руки под животом матроса, чей член, оторвавшись от бархата кровати, выпрямился и, натянув кожу живота, ударился о пальцы Норбера, оставшегося совершенно равнодушным. Возбуждение Кэреля напоминало возбуждение повешенного. Норбер сделал еще несколько осторожных и ловких движений. Теплота внутренностей Кэреля поразила его. Чтобы сильнее почувствовать наслаждение и продемонстрировать свою силу, он вошел еще глубже. Кэрель не ожидал, что так мало будет страдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.